

Ольга Денисова

Водоворот

Ольга Леонардовна Денисова

Водоворот

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55986970

SelfPub; 2023

Аннотация

Над тем, кому судьба определила утонуть, водяной получает таинственную власть, которой ничем нельзя избежать. Волей судьбы Сергей Ковалев, мастер спорта по плаванию, оказывается в поселке на большой реке, где бывал в раннем детстве и куда бабушка с дедом никогда его не привозили. Именно здесь утонула его мать, которой он не помнит. Теперь его преследует странное наваждение: ему мучительно хочется переплыть реку, а на дворе – ноябрь...

Ольга Денисова

Водоворот

Не противься ж, Валенька, Лукоморья нет на карте,
Значит, в сказку нет пути... Жил-был поп
Он тебя не съест, От чистого истока Толоконный лоб...
Золоченый, маленький, В прекрасное далеко Это в городе тепло и сыро...
Твой крестильный крест. Я начинаю путь...
Пусть кругом ночная тишина,
Пусть грозят бедой дороги эти **Мама – землю и солнце,** Если путь прорубая отцовским мечом,
Только небо, только ветер,
Только радость впереди...
Наши боги – те дороги Папа может, папа может все что угодно,
Что ведут в последний бой. **Жизнь подарила мне и тебе...**
Через мрак на свет костра... Плавать басом, спорить басом, дрова рубить.
Тот кто честен, добр и смел – **Люди, проснитесь, где ваша гордость,**
Тот и есть волшебник. Куда пастух погонит,
Туда пойдут стада. **Сила людей простых?**
Но ты человек, ты и сильный, и смелый, **Люди, очнитесь, слушайте песню мою!**
Своими руками судьбу свою делай... Тот, кто честен не проходит мимо...
Только для защиты слабых будем сильными людьми.
Будем добрыми людьми...

Грохот поезда на долгую минуту заглушил все прочие звуки, даже отчаянный крик:

– Мама!

Из угла не мигая смотрели два глаза – в них отражался тусклый красный свет ночника. И чем громче гремели колеса, тем громче приходилось кричать:

– Мама! Волк! Десь волк!

Слезы лились из глаз, потому что мама не слышала крика. Пасть зверя ощерилась, обнажая блестящие красным клыки, мохнатое тело подалось назад, пружиной сжимаясь перед прыжком. Запах реки, холодный и сырой, потянулся из-за двери, грохот поезда не затихал, и когда дверь распахнулась,

в комнату вместе с истошным маминым криком хлынула ледяная вода...

Ковалев распахнул глаза и сел на кровати – непривычно скрипнула металлическая сетка. Грохот поезда ему не приснился: старенький дом трясся от стука колес, в окне между вагонами мелькала одинокая лампа накаливания в фонаре на другой стороне насыпи. Никакого ночника не было, никакого зверя в углу – тоже.

В детстве Ковалеву часто снился этот кошмар, он изучил и запомнил его подробности: и комнату с массивным круглым столом посередине и ковром на стене, и ночник с плоским красным стеклом, и самого зверя – огромного, лохматого, с клочковатой мокрой шерстью. Как ни странно, не только бабушка, но и дед относились к этому серьезно: прибегали в детскую, проснувшись среди ночи от крика, поили ревающего Ковалева валерьянкой и забирали к себе в спальню. Став постарше, он стеснялся этого кошмара – глупый детский сон, мальчикам не пристало бояться волков и тем более реветь от страха. Правда, волк во сне был слишком настоящим, непохожим на тех безобидных волков, которых показывали в мультфильмах. Да и дед, всегда смеявшийся над слезами внука, в таких случаях бывал встревожен и необычно ласков. Потом это прошло само собой, забылось.

Ковалев не сразу узнал эту комнату, а если бы не проехавший мимо поезд и не приснившийся вновь детский кошмар,

то и вовсе не подумал бы о том, что когда-то уже бывал здесь. Такие круглые столы, ковры с оленями, панцирные кровати с хромированными спинками, ходики с шишками были атрибутами едва ли не каждого сельского дома лет двадцать пять – тридцать назад. Точно такой же торшер, какой стоял здесь возле кровати, до сих пор верой и правдой служил Ковалеву дома – раньше у дивана бабушки и дедушки, а теперь в их с Владой спальне.

Он безошибочно нащупал выключатель – вместо яркой светодиодной лампы вспыхнула тусклая сороковатка. Ходики показывали половину седьмого утра – пора подниматься.

Вчера Ковалев поздно добрался до дома бабушкиной сестры тети Нади – в десятом часу вечера, в полной темноте, – в Заречном в это время ложились спать, он шел пустыми улицами, и если бы не распечатанная из Яндексa карта, ни за что не нашел бы нужного места. Но несмотря на поздний час, все равно заметил взгляды соседей: в ответ на лай собак в окнах домов, мимо которых он проходил, откидывались занавески – слух о приезде наследника разнесся по поселку быстрее ветра. Дом тети Нади был последним на улице, упиравшейся в железнодорожную насыпь, на нее Ковалев и ориентировался.

Когда он поднялся на крыльцо, в доме напротив тоже откинулась занавеска, а у соседей слева заскрипела и хлопнула входная дверь. Это было неприятно – ковыряться с висячим замком на глазах у незнакомых людей. Будто он вор... Но

ключ подошел, что окончательно убедило Ковалева, что он не ошибся и не влез на чужой участок.

До трех часов ночи он топил обе печи. Делать это Ковалев умел плохо, в пустом доме было так же холодно, как на улице, потому он и провозился так долго. Он привык рано ложиться и рано вставать, полночи клевал носом, зато теперь чувствовал себя вполне бодрым.

Иметь дачу в двухстах километрах от города удовольствие сомнительное, но вряд ли Ковалев со своей зарплатой военнослужащего смог бы приобрести что-то получше. Он не ожидал, что тетя Надя завещает дом ему, никогда не задумывался, что у нее не было родственника ближе. Тетя Надя гостила у них часто, и бабушка тоже ездила к ней иногда, но не брала Ковалева с собой, хотя всегда излишне пеклась о здоровье внука. Впрочем, каждое лето Ковалев проводил в спортивных лагерях, а все каникулы – на сборах, даже речи не шло о том, чтобы он поехал куда-нибудь отдыхать.

Дом был небольшим, в две комнаты и кухню, но уютным. И к запаху сырости примешивался знакомый аромат сушеной лаванды – бабушка зашивала ее в матерчатые мешочки и раскладывала по шкафам от моли. Наверное, то же самое делала и тетя Надя.

Одеваться в гражданское было непривычно – Ковалев носил форму. В джинсах и свитере военная выправка ему самому казалась смешной, неуместной... Влада собрала ему с собой только теплые рубашки, сказав, что за городом в но-

ябре сорочки не понадобятся, да и стирать их негде.

Ковалев натянул джинсы и включил верхний свет. Тогда взгляд его и упал на старый облезлый шкаф – там стоял красный фонарь для печати фотографий, тяжелый, в черном железном корпусе. Ночник с плоским красным стеклом... И если столы, торшеры, ковры с оленями были у всех, то вряд ли многие сельские жители использовали в качестве ночника красный фонарь... Ковалев, убежденный материалист, в передачу мыслей на расстоянии, в предчувствия и генетическую память не верил. Значит, он все же бывал здесь.

Темное осеннее утро казалось глухой полночью. Ковалев с вечера разыскал в кладовке засаленный ватник и подобрал резиновые сапоги с обрезанными голенищами, чтобы выходить во двор. Он зевнул, поежился и шагнул на холодную веранду – словно нырнул в прорубь.

В незнакомом доме собираться было непривычно, непривычно умываться холодной водой из умывальника, бриться перед махоньким потемневшим зеркалом над раковиной. Ковалев сел за стол сразу после ванной – Влада никогда не задерживалась с завтраком, знала, как он не любит опаздывать. Здесь он не стал возиться даже с чаем, думая позавтракать в санатории, – не зря же он заплатил за питание невообразимые деньги...

Во дворах лаяли собаки. Холодный ветер насквозь прохватил куртку, Ковалев прибавил шаг, выходя со двора, и тут же по щиколотку провалился в грязную лужу с ледя-

ной водой. Высокий ботинок не выдержал испытания, сквозь шнуровку просочилась вода, и Ковалев выругался вполголо-са – до вечера придется ходить с мокрыми ногами.

До санатория было около километра, он стоял за рекой. В темноте Ковалев прошел мимо тропинки, которая вела вверх по насыпи к железнодорожному мосту, и понял это, только оказавшись у самого берега. Черная глубокая вода блестела в темноте поднятой ветром рябью, и мурашки бежали по спине, стоило представить, какая она холодная.

Дежавю... Он уже тонул когда-то в такой вот черной реке... И берега ее продувал ветер. И мост стоял чуть ниже по течению.

Это случилось на сборах в осенние каникулы, Ковалеву тогда было двенадцать лет, он только-только получил первый юношеский – на пятидесяти метрах вольным стилем, – чем в глубине души очень гордился. Черную воду широкой реки он заметил еще из окна автобуса и даже толкнул соседа – Юрку Сологуба:

– Гляди, какая вода холодная...

– Да ну! – фыркнул Сологуб. – Подумаешь, холодная... Я бы реку переплыл и не поморщился!

– Да я бы тоже переплыл, чего там... – пожал плечами Ковалев. – Но все равно страшно.

К обеду по команде прошел слух, что Ковалев боится холодной воды. Он не очень-то любил оправдываться, да и какие тут могли быть оправдания? Он сам сказал при всех во

время тихого часа, что ночью переплывет эту чертову реку, чтобы все уже заткнулись наконец. И если бы не подначки друзей, ему бы, может, и хватило ума отказаться от этой затеи. Но над ним смеялись и твердили, что он испугается.

Ковалев не испугался. Ночью он и особо рьяные насмешники выбрались из корпуса и, накинув лишь куртки поверх маек и трусов, в тапочках, вышли на реку. Подморозило, дул сильный ветер, гнавший рябь по черной воде. Раздеться и то было страшно, а уж ступить босой ногой в воду... Ковалев только тронул носком песок, а уже понял, что выиграть спор будет не так просто, как казалось в теплой постели в тихий час.

В воде ступни заломило до слез. И он едва не отшагнул назад, едва не струсил – но эта попытка не осталась без внимания, сзади раздался смех.

– Чего ржете? Я только разбежаться... – проворчал Ковалев.

После этого отступать было некуда, пришлось в самом деле разбежаться и сигануть в воду головой вперед...

Она была черной... В первый миг перехватило дыхание, но Ковалев несколько метров проплыл под водой и только потом вынырнул, судорожно хватая воздух ртом. Ему представлялось, что самое главное позади, теперь остается только доплыть до противоположного берега, который из воды показался совсем далеким. Ковалев не умел определять расстояния на глаз, думал, что ширина реки не больше ста мет-

ров – плыть всего полторы минуты. Уже потом он узнал, что ошибся в два раза. Не во времени – в расстоянии.

Дыхания почему-то не хватало. Это было непривычно – Ковалев мог переплыть сто таких рек и не запыхаться. И движения получались неправильными, неловкими, да еще и судорога скрутила ногу... Течение сносило его в сторону моста, где на противоположной стороне поднимался крутой берег с густым кустарником, и Ковалев забирал правее, борясь с течением, – не хотелось голышом карабкаться наверх через колючие кусты. Плыл он, конечно, кролем, и, выбрасывая руки на поверхность, чувствовал над водой ледяной ветер – в воде было теплей. Гребки почему-то становились все медленней и слабей, пальцы скрючились, но Ковалев не сдавался, не переходил на брасс и не поворачивался на спину.

Темный берег медленно приближался, позади осталось больше половины пути, когда снова свело ногу, гораздо сильнее, чем в первый раз. Он дернул к себе носок изо всех сил, а судорога не отпускала, его даже потянуло на дно. Ковалев никогда не боялся воды над головой, но это была не веселая голубая вода бассейна, она была черной, как смола, и ему казалось, что если она сомкнется над ним, то уже не разомкнется.

Он плюнул на судорогу и поплыл на одних руках – это замедлило движение, но зато он перестал так остро чувствовать холод и решил, что и к ледяной воде можно привыкнуть, надо только чуть-чуть подольше подождать.

Преодолев три четверти пути, он перешел на брасс, упорно продолжая выдыхать в воду, чтобы хоть как-то сохранить ритм дыхания. Но вскоре отказался и от этого, по-собачьи задирая подбородок вверх. Казалось, что лицо покрыла ледяная корка, — кожу стянуло и саднило.

А потом кто-то взял его за лодыжку и потянул вниз. Ковалев рванулся только один раз, ощущая лишь равнодушие и тоску, и видел, как над его головой смыкается черная вода... Чтобы никогда больше не разомкнуться. Он еще загрел воду руками, но скользкие пальцы надавили на плечи. Кромешная темнота и холод... Он чувствовал, как водоросли туго оплетают ноги и как скользкие пальцы сжимают горло.

Под водой плеск кажется звоном — Ковалев услышал его сквозь писк в ушах. А еще увидел, как черная вода на секунду стала мутно-зеленой — свет! Он не задумался, откуда этот свет взялся, но потянулся к нему руками и на миг ощутил ледяной ветер. Это, как выяснилось, и спасло ему жизнь.

Верней, спас его Сологуб — ябедник, предатель и трепло. Это он доложил тренеру, что Ковалев пошел купаться. И сделай он это на пять минут позже, Ковалева бы уже не было на свете.

Тренер, увидев его ближе к противоположному берегу, бросился на мост и, как был в ватнике, вязаной шапочке и сапогах, прыгнул в воду... Остальные подоспевшие на помощь шарили по воде лучами фонариков, и если бы Ковалев не

выбросил руку над водой, тренер не нашел бы его в темноте.

Чтобы Ковалеву потом ни говорили, а он помнил борьбу под водой. И чувствовал, как тренер с силой разводит в стороны скользкие руки, сомкнувшиеся на горле, как выламывает чужие пальцы, толкает чье-то тяжелое тело ногой в сапоге. И тащит, тащит Ковалева на поверхность...

Врач сказал потом, что это были видения от нехватки воздуха, на грани потери сознания. Что при кислородном голодании и не такое примерещится.

Первое, что сделал тренер – уже на мосту, в свете фонариков, – это вклеил Ковалеву короткую оплеуху, от которой тот рухнул как подкошенный. И лицо у тренера в этот миг было страшное: перекосилось все, рот оскалился и губы тряслись.

Он тоже потом говорил Ковалеву, что борьба под водой тому примерещилась, что тот просто запутался в водорослях. И ребята посмеялись, сказали, будто Ковалев все это выдумал, чтобы оправдаться, – ведь реку-то не переплыл.

Теперь он и сам считал, что запутался в водорослях. И понимал, какой опасности подвергался тренер, прыгая с моста в ледяную воду: не зная глубины, в темноте, рискуя разбиться о воду, тут же задохнуться от холодового шока или не доплыть до берега...

Воспоминание привело к неожиданному выводу: следовало купить фонарик, чтобы в другой раз не плутать в темноте. Да много чего еще надо было купить в дом, например лампочек...

Узкая пешеходная дорожка на мосту вдоль рельсов из тяжелых пропитанных мазутом досок прогнила, зияла проломами и провалами, идти по ней Ковалев не решился – железобетонные шпалы внушали больше доверия. Под ними не было сплошного покрытия, и далеко под ногами мелькала черная вода. Впереди светились красные и синие огни семафоров, и Ковалев никак не мог припомнить, что же означает синий свет – не нагонит ли его поезд? По этой ветке ходили только товарные составы, и довольно редко, но все же ходили...

От реки к санаторию вела тропинка через лес, издали стали видны фонари на территории, а потом показался и высокий деревянный дом, сиявший освещенными окнами в резных наличниках, – бывшая дворянская усадьба. Ворота выходили на другую сторону, к шоссе, но и возле задней калитки висела табличка: «Детский пульмонологический санаторий „Березка“. Посторонним вход воспрещен». Калитка не запиралась. Ни одной березки на территории не было, меж асфальтированных дорожек позади усадьбы росли редкие вековые ели, а со стороны ворот был разбит небольшой парк, который в это время года создавал удручающее впечатление: голые черные ветви дубов и лип сплетались над двумя прямыми аллеями. Ковалев увидел их накануне в сумерках, на фоне унылого серого неба и деревянного дома с облупившейся краской. Две его ассиметричные башенки поднимались над деревьями, словно острые уши огромного зверя.

Оказавшись в свете фонаря, Ковалев взглянул на часы: было без пяти восемь. Он едва не опоздал! А ведь надо успеть раздеться и дойти до столовой... Если детей приведут на завтрак, а его там не будет... Паника, Ковалеву несвойственная, опять накатила внезапно, в самую неподходящую минуту, и, добравшись до задней двери с надписью «пожарный выход», он долго не мог ее открыть, дергая за ручку, пока не догадался толкнуть дверь от себя. Наверное, глупо это выглядело со стороны, и Ковалев со злостью подумал, что пожарный выход должен открываться наружу – на то он и пожарный. В гардеробе он долго расстегивал заевшую молнию на куртке и затянул узлом шнурок на ботинке.

Ковалев был уверен, что ничего не боится, даже удивлялся иногда самому себе: разве можно совсем ничего не бояться? До той страшной ночи, когда у Ани случился первый приступ астмы. Когда они с женой смотрели, как задыхается их дочь, и не могли сделать ровным счетом ничего – только ждать приезда скорой. Ковалев навсегда запомнил это ощущение бессилия и ужаса, ему часто снилось посиневшее лицо дочери, кашель и сиплый клекот у нее в груди. И несмотря на заверения врачей, на ингалятор, что теперь был под рукой, он все равно до паники боялся повторения.

В больнице с Аней лежала Влада, почти целый месяц, – и речи не шло о том, чтобы оставить домашнего ребенка, который никогда не ходил в детский сад, в окружении чужих людей. Влада и ненадолго не могла уйти из больницы – у Ани

снова начинался приступ. Врачи, конечно, говорили, что ребенок вскоре начнет пользоваться этим и вызывать приступы сознательно, но даже они подтверждали, что это стресс, который пока девочке ни к чему, и приучать ее к отсутствию близких надо постепенно.

Через год ей идти в школу...

Хоть Влада и работала дома, но работала, – месяц ее хозяин вытерпел, но, услышав про сорок два дня в санатории, предложил уволиться. Ковалев не был в отпуске года три, и ему отказать не имели права. Путевка «Мать и дитя» сорвалась в последнюю минуту, поликлиника предлагала или невообразимые по цене варианты (можно было купить подержанную машину), или бесплатные, но только для Ани.

Ковалев был готов залезть в долги, но Влада предложила сначала поискать санаторий самостоятельно. Они весь вечер сидели за компьютером, составляя список аллергологических санаториев, пока Ковалев не вспомнил вдруг, что тетя Надя работала врачом в детском санатории. И ее рассказы о чудесном целебном воздухе в Заречном вспомнил тоже. Наутро он не без труда выяснил, что санаторий называется «Березка», имеет пульмонологический профиль, действует круглый год, но осенью и зимой принимает в основном воспитанников специализированных интернатов. По телефону он говорил с секретарем главврача, и та, узнав, что Ковалев – внучатый племянник Надежды Андреевны Захаровой, пообещала немедленно договориться о путевке. И договори-

лась.

И питаться Ковалев мог в санатории: хоть стоило это не дешево, но все равно не сравнимо со стоимостью подержанной машины. На этом настояла Влада – ее приводили в ужас мысли о том, как ее муж будет разводить супы из пакетиков и разогревать замороженные полуфабрикаты. Готовить Ковалев не умел вообще, Влада сомневалась даже в том, что он способен поджарить себе яичницу, и была недалеко от истины.

Накануне вечером она позвонила четыре раза, расспрашивая, как они устроились в Заречном.

Конечно, появление Ковалева в санатории было нарушением режима, несмотря на собранную им гору справок, и не будь он наследником тети Нади, никто бы не позволил ему даже входить на территорию. Потому он безропотно согласился лишь маячить на глазах у дочери весь день и только на два часа, после полдника, забирать ее на прогулку.

Накануне и врач, и воспитательница, и нянечка, и сам Ковалев долго убеждали Аню, что папа не может ночевать в палате с другими девочками и придет, когда все дети оденутся и выйдут на завтрак. Он еще час ходил под окнами ее спальни после того, как погасили свет, и ждал, что его позовут. К нему, сжалившись, вышла нянечка и сказала, что девочка давно спит и можно спокойно идти в поселок.

Если бы у них с Владой родился парень, Ковалев не позволил бы делать из него домашнего ребенка – ходил бы его

отпрыск в детский сад как миленький. И в лагеря бы ездил, и в санатории мог бы побыть без нянек.

Только оказавшись здесь, Ковалев вспомнил, что большинство детей в санатории из интерната, — значит, его присутствие рядом с Аней будет им вдвойне обидно.

Бабушка часто пугала его детским домом. Если ему случалось нашалить, она не ругалась, а хваталась за сердце и говорила чуть не плача:

— Ты меня доведешь... Вот я умру, что с тобой будет? Отдадут тебя в детский дом...

Тут она обычно не могла удержаться слез, обнимала Ковалева, гладила по голове и целовала в макушку. Дед бабушкиных слез тоже побаивался, поэтому лишь потихоньку показывал Ковалеву кулак.

Маленьким Ковалев хорошо себе представлял, что такое детский дом, и считал его страшным местом. Бабушка пояснила просто и доходчиво: это детский сад, из которого тебя никогда не забирают. И слезы ее лишь подтверждали самые мрачные представления.

Бабушка умерла три года назад, и дед не намного ее пережил.

* * *

Душными летними ночами, когда реку затягивает плотный туман, случается слышать за его пеленой легкие всплес-

ки – и люди привычно говорят: рыба играет. Да, бывает, что юркая рыбка подпрыгнет над водой – за комаром ли, а может, и просто от радости бытия, – и снова уйдет в глубину, оставив мимолетный круглый след на воде. В безмолвии и безветрии всплеск слышен далеко, отчетливо... Но иногда доводится людям увидеть в тумане речную деву, коих немало рождают летние ночи: сидит она на камне или на коряге, а то и выбирается на мостки, проложенные к воде с берега. Подбирает ноги, обнимает бледные колени – или расчесывает гребнем мокрые волосы. Смотрит на свое отражение, любителю собственной наготой – юность, даже сотканная из тумана, всегда прекрасна. Летней ночью речная дева безмятежна, окутана негой – и не всегда спешит уйти обратно в реку, заслышав чье-то приближение. Тронет ладошкой воду – будто рыбка плеснула в тишине. А бывает, и засмеется тихонько, бывает, и шепнет что-нибудь, особенно если почует молодого пригожего парня, бывает, поманит к себе, закружит голову бледной своей наготой. Играет речная дева, озорничает – без злобы, без тайного умысла, просто так.

Но если черной осенней ночью выходит речная дева из черной ледяной воды – ей не до озорства. Тревога не дает ей покоя, толкает на берег, гонит к людям – к черным стеклам жилья. И призрачные бледные ладони ложатся на стекло снаружи, оставляя мокрые следы, и мутное пятно лица проступает в темноте. Холод и сырость сочатся в детские спальни, запах тины – запах темного речного дна. Беззаботная ле-

том, осенними ночами речная дева тоскует по детям – ведь у нее никогда не будет своих детей. И потому иногда она забирает чужих...

* * *

Санаторий на удивление напоминал лагерь из далекого детства: звуками, запахами, деревянными лестницами, нарисованными на стенах картинками. Но в детстве Ковалев не замечал, до чего же невозможный шум производят дети и как отвратительны окрики воспитательниц, призывающих их к порядку. Впрочем, Ковалев ездил в спортивные лагеря, где воспитательниц не было, – и вполне хватало слова (а иногда и взгляда) тренера.

По лестнице с грохотом неслась старшая группа – санаторий был рассчитан на сто двадцать коек и принимал детей от четырех до семнадцати лет. На больных эти охламоны походили мало. Кто-то ловко перемахнул через перила и вполне удачно приземлился на пол.

– Так, Селиванов! – раздалось сверху. – Я все видела! Еще одно замечание, и ты сюда больше не поедешь, тебе понятно?

Довольный собой Селиванов выпрямился и даже не взглянул на воспитательницу.

Ковалев машинально отступил обратно к гардеробу, когда разновозрастная толпа повалила мимо него к узкой двери в столовую. Немного особняком и чуть поспокойней дер-

жались некоторые девочки, но далеко не все. Штурм двери был в разгаре, когда из приемной главврача стуча каблуками вышла старшая воспитательница – миниатюрная женщина лет пятидесяти, накануне показавшаяся Ковалеву тихой, интеллигентной и вызывающей симпатию. Ее звали Зоя Романовна.

– Это что такое? – Она вроде и не повышала голоса, но прозвучал он необычайно громко. – Быстро построились!

От ее слов даже у Ковалева мороз прошел по коже – словно он на секунду опять стал школьником. Ощущение было неприятным, давящим, и даже вспомнив, что ему скоро тридцать, а вовсе не десять лет, Ковалев от него не избавился. Дети же сразу примолкли и не то чтобы построились, но в столовую начали заходить чинно, по одному – по двое, не толкались, а ребята постарше с шутовскими поклонами даже пропускали вперед девочек.

Ковалев уважал дисциплину и не видел ничего дурного в пресловутом хождении строем, в жесткой иерархии чувствовал себя как рыба в воде, – наверное, поэтому и выбрал когда-то военную академию. Его работа в НИЦ мало напоминала военную службу, но он привык носить форму и с легкостью подчинялся старшим по званию, считая эту способность оборотной стороной умения руководить. Однако воспоминание о школьной дисциплине нагнало на Ковалева тоску – он давно понял разницу между принуждением и добровольным подчинением.

Накануне Зоя Романовна произвела на него иное впечатление. Ковалев столкнулся с ней в дверях приемной главврача, когда пришел отдать деньги, и, видимо, сильно ее напугал, скорее всего своим ростом, — он был почти на голову выше и запросто мог сбить ее с ног. Она отшатнулась и ахнула, но быстро взяла себя в руки и улыбнулась:

— Так вот вы какой, Сергей Александрович Ковалев... Не ожидала, не ожидала... Я вас представляла совсем другим.

Ковалев удивился ее словам, ему даже почудилась некоторая издевка в том, как она произнесла его имя, но Зоя Романовна тут же пояснила:

— Надежда Андреевна часто рассказывала о вас, мы с нетерпением ждали вашего приезда.

Потом Ковалев понял, что его приезд в Заречное — событие в скучной и размеренной жизни местных обитателей. И уже перед завтраком почувал на себе пристальные и любопытные взгляды работников санатория.

Младшая группа спускалась организованно, парами, с воспитательницей во главе. Миниатюрная Зоя Романовна не двигалась с места, наблюдая и за входом в столовую, и за шествием вниз малышей. Нельзя сказать, что вокруг было совсем тихо, — нет, никто не запрещал детям разговаривать, но радостный Анин крик прозвучал в чопорной обстановке словно смех на похоронах:

— Папка!

На Аню оглянулись все, и Зоя Романовна первая — резко и

недовольно. У Ковалева почему-то душа ушла в пятки, только Аня не заметила неловкости: вырвала руку у девочки, с которой шла в паре, и бросилась через холл ему навстречу. Бегом.

Если бы у них с Владой родился парень, Ковалев сейчас хлопнул бы его по задку и поставил обратно в строй. А тут его взяла злость: и на свою неожиданную робость перед старшей воспитательницей, и на то, что простая и понятная радость ребенка вызывает здесь осуждение, и на то, что его, Ковалева, поведение почему-то должно соответствовать тягостному школьному духу.

Он присел на одно колено, Аня с разбегу обхватила его за шею.

– Папка, ты не уехал!

– С чего ты взяла, что я уеду? – удивился Ковалев.

– Мне все девочки сказали, что ты уедешь, что родителям тут нельзя.

– Я не уеду, я же обещал. Мы с тобой после полдника гулять пойдем.

– А полдник скоро?

– После тихого часа. Все, беги обратно. И смотри не капризничай, а то мне за тебя будет стыдно.

В их сторону уже шла Анина воспитательница, Тамара Юрьевна, – приторная особа бальзаковского возраста: пухлая, мягкая, напоминающая кошку из сказки о глупом мышонке...

– Беги. На завтрак нельзя опаздывать, – сказал Ковалев, подумывая о том, что надо бы встать навстречу воспитательнице.

Та расплылась в фальшивой улыбке, обращенной к Ковалеву:

– Анечка, пойдем к ребятам. Папа не уедет, он тоже идет завтракать, только за другой стол.

– Почему за другой стол? – Аня подняла на воспитательницу печальные глаза, а потом вопросительно посмотрела на Ковалева. Свои «почему» она задавала искренне, безо всякой издевки.

– Для детей столики маленькие, папа не поместится.

– Ань, иди. – Ковалев подтолкнул ее к воспитательнице и поднялся с колена. – Здесь детям положено быть с детьми.

Она, конечно, пошла, оглядываясь и запинаясь. Ковалев понимал, что его присутствие обижает других детей и ставит Аню в привилегированное положение, а это не очень-то красиво, но стоило вспомнить ее кашель и свист в груди, чтобы однозначно выбросить из головы чужие обиды. Ни его, ни Аниной вины нет в том, что она живет с родителями.

В столовую он вошел одним из последних, оглядываясь в поисках стола для персонала, и его тут же окликнула девушка-психолог, с которой он вчера говорил в приемной главврача. Она показалась Ковалеву странной и притягательной одновременно – наверное, из-за блуждающего отрешенного взгляда и манеры говорить медленно, словно ни к кому не

обращаясь.

– Сергей Александрович, сюда проходите.

Она указала ему на место у стены, подальше от двери.

– Я нарочно вам такое место выбрала, чтобы Аня могла вас видеть, – сказала девушка-психолог. – Когда меня не будет, вы просто сами проходите и садитесь сюда.

За столом персонала собралось человек десять, из них только двое мужчин: инструктор ЛФК, судя по спортивному костюму, и старенький педиатр в белом халате и со стетоскопом на груди. И все бесцеремонно разглядывали Ковалева, даже не скрывая своего любопытства, особенно женщины постарше.

Ковалев боялся, что Аня не станет есть столовскую кашу, особенно манную, но на его счастье в этот день на завтрак дали творожную запеканку со сгущенкой.

Через столовую, звонко цокая каблуками, прошла Зоя Романовна, повернулась к детям и трижды хлопнула в ладоши. Шум смолк.

– Ребята, сегодня у нас новенькая! Прошу любить и жаловать: Анечка Ковалева.

Говоря это, она оказалась у Ани за спиной и положила руки ей на плечи. К удивлению Ковалева, Аня поднялась с места без стеснения, даже заулыбалась, польщенная общим вниманием. Зоя Романовна, продолжая держать руки на плечах у Ани, продолжила:

– А теперь, как положено, поблагодарим Бога за этот за-

мечательный завтрак!

По столовой прошел грохот стульев на металлических ножках, дети поднялись на ноги и нестройным хором начали вторить старшей воспитательнице:

– Очи всех на Тя, Господи, уповают, и Ты даёши им пищу во благовремении...

Ковалев обалдел.

Он всегда относился к религии с иронией, считая верующих чудиками, имеющими право на чудачества: посмеивался над дружками, если те заговаривали о Боге, крутил пальцем у виска, если его пытались приобщить к православию, и брезгливо морщился, когда старые коммунисты в телевизоре клялись, что верили в Бога еще при советской власти. А однажды спустил с лестницы ходивших по квартирам сектантов.

Происходящее мало походило на чудачество... Работники санатория, в отличие от детей, не вставали, но почти все, уткнувши взгляды в тарелки, шептали слова молитвы. Ковалев смотрел по сторонам и ловил ртом воздух. Молитва быстро кончилась, и дети, и взрослые дружно перекрестились, снова загремели стулья, а Зоя Романовна, склонившись над Аней, показывала ей, как складывать троеперстие!

Грохота стула, с которым Ковалев поднялся с места, никто не заметил.

– Аня! – крикнул он через всю столовую. – Не вздумай это повторять! Слышишь?

На него посмотрели все. Начинаясь было гомон смолк, Зоя Романовна подняла удивленное лицо и воззрилась на Ковалева как на невиданного зверя. Впрочем, через секунду ее удивление сменилось заметной досадой. Она чуть надавила Ане на плечи, и девочка села. Ковалев сел тоже, потихоньку остывая. Не стоило орать при всех, надо было потом потихоньку объясниться со старшей воспитательницей. Наверное, не все дети здесь из верующих семей... Такого количества верующих семей быть просто не может! Право, ведь не учат же детей молиться без согласия на то родителей...

И тут Ковалев снова вспомнил: из интерната... Так что же, детей из интерната можно учить молиться, и никто против этого не возразит?

Дети быстро забыли о произошедшем, зашумели и застучали ложками, а вот сотрудники поглядывали на Ковалева косо, если не сказать со злостью. Только инструктор ЛФК ему подмигнул и довольно ухмыльнулся.

Зоя Романовна села за стол через минуту-другую, почти напротив Ковалева. И прежде чем подвинуть к себе тарелку, пристально взглянула ему в глаза и назидательно сказала:

– В чужой монастырь не ходят со своим уставом.

Ковалев считался человеком сдержанным и редко выходил из себя, но тут справиться с накатившей злостью оказалось трудно.

– Здесь пока что не монастырь, – холодно ответил он, от-

давая себе отчет в том, что следовало помолчать.

Инструктор ЛФК с трудом спрятал улыбку и незаметно показал Ковалеву поднятый большой палец.

– Никто еще не жаловался, что у нас ребенок выучил простейшие молитвы, только благодарили, – сказала одна из докториц – с искренним негодованием.

Ковалев не полез в бутылку и на этот раз благоразумно промолчал. От этого взгляды в его сторону теплей не стали.

– А вы, простите, кем работаете? – певучим басом спросила у Ковалева пожилая докторица в белом халате.

– Я военный инженер, занимаюсь авиационным приборостроением, – ответил тот.

Видимо, ответ басоголосой докторице не понравился, она сжала губы и опустила глаза.

– Не переживайте! Честное слово, ничего плохого нет в том, что ребенок научится креститься, – примирительно сказала воспитательница старшей группы. – Я сама неверующая, но детям нужны хоть какие-то идеалы, и это не самый худший. У нас постоянно детки из православного приюта лечатся – любо-дорого посмотреть: тихие, послушные, не сквернословят, не курят, старших уважают.

– И для здоровья это полезно, – пробасила та, что спрашивала о работе.

Ковалев воззрился на нее, не донеся вилку до рта.

– Я надеюсь, детей здесь лечат лекарствами, а не святой водой...

Они заговорили наперебой: о психотерапевтическом эффекте молитвы, о целительных свойствах икон, о чудесной силе святой воды, о том, что астма не так связана с аллергией, как со стрессом, а с Богом в душе ребенок чувствует себя под защитой, не столь подвержен неврозам и фобиям, что верующие дети гораздо спокойней и уравновешенней...

Ковалев не переставал удивляться: это не темные бабки на скамейке у подъезда, это врачи и педагоги... Наверное, сумасшествие все-таки заразно, если они в один голос несут эту чушь. Или он что-то упустил, сидя в своем НИЦ, и весь мир сошел с ума?

– Лоботомия тоже избавляет от неврозов... – проворчал Ковалев, когда обрел дар речи.

После его едкого замечания они словно с цепи сорвались: какие там врачи и педагоги! Кликуши и злые ведьмы! Ковалеву напомнили об оскорблении чувств верующих, пригрозили тюрьмой, назвали хамом, обвинили в бесовстве и пообещали, что его дочь вырастет наркоманкой или проституткой. Ковалев выслушал все это с каменным лицом, убеждая себя в том, что с женщинами спорить, во-первых, неэтично, а во-вторых, бесполезно.

Зоя Романовна молчала и была, казалось, занята только завтраком. Она, как и Ковалев, ела запеканку ножом и вилкой – казалось, не торопясь, на самом же деле быстро и ловко.

Шепот на другом конце стола в наступившей тишине про-

звучал довольно отчетливо, хотя Ковалев и не видел, кто это сказал:

– Яблочко от яблоньки недалеко падает...

Он посмотрел в сторону говорившей, не вполне понимая, какая яблонька имеется в виду, но с ним снова заговорила обладательница сочного баса:

– На вашем месте я бы усердно молилась.

– А на своем месте вы молитесь менее усердно? – не сдержал злости Ковалев.

Он ожидал новой волны возмущения, но взгляд докторицы вдруг смягчился:

– Неужели же вы еще не поняли? Вашего ребенка Бог наказывает за бабкины грехи...

Ковалев убил бы всякого, кто попробует оскорбить память его бабушки... У него в глазах потемнело от гнева, и если бы перед ним был мужчина, а не пожилая женщина, известно, чем бы это закончилось.

– Как вы смеете? – тихо спросил он. – Моя бабушка...

Он не смог подобрать слов, да и посчитал унижительным объяснять, кем была для него бабушка.

Басоголосая докторица словно и не услышала его:

– Вам надо день и ночь молиться за упокой своей непутевой матери.

Немного отлегло от сердца: матери Ковалев не помнил, знал только, что она утонула, когда ему было три года. Ну и понимал, конечно, что она родила его без мужа, потому что

фамилию и отчество получил от деда.

– Просто так не отмолишь, только на послушании в монастыре, и то неизвестно, простит ли ее Господь... – заметил старенький педиатр.

– Наталью, вашу матушку, может, и не простит, но хоть внучку ее пожалеет, – вставила нянечка с другой стороны стола.

– Вам с батюшкой надо поговорить, в четверг батюшка приедет, вы у него спросите, – предложила неверующая воспитательница старшей группы.

Лица вокруг перестали быть злыми, напротив – на Ковалева теперь смотрели с участием. Происходящее было абсурдом, у него закружилась голова, он и хотел бы поскорей уйти, но не мог оставить Аню, которая поглядывала на него и иногда улыбалась.

– Вы... сумасшедшие? – Он растерянно огляделся по сторонам. – Какой батюшка? Какое послушание в монастыре? Оставьте в покое моральный облик моей матери, вас это не касается. Я ясно выражаюсь?

Они продолжали глядеть на него снисходительно и участливо. Впрочем, воспитатели вскоре вернулись к группам, врачи направились по кабинетам, Зоя Романовна, пожелав присутствующим приятного аппетита, поднялась и встала у двери, наблюдая за порядком в столовой.

Инструктор ЛФК тоже торопился и, на ходу допивая чай, подмигнул Ковалеву и сказал:

– Наконец-то! Бабы достали... Хотя кто-то им сказал, что они сумасшедшие.

За столом остались три нянечки (или санитарки, Ковалев еще не разобрался в штатном расписании санатория) и девушка-психолог, которая куда не спешила.

– Вы, конечно, тоже хороши, но с их стороны это удивительная, потрясающая бестактность... – тихо, не поворачиваясь к Ковалеву, словно в пространство произнесла она. – Это неправда, что с ума сходят поодиночке. Единомышленники для этого и собираются вместе...

У нее было интересное лицо с мягкими округлыми чертами, по-детски припухшие веки и губы. И взгляд отрешенный, блуждающий. Ковалев попытался вспомнить, как ее зовут, ведь накануне она ему представилась, но так и не смог и решил как-нибудь дойти до ее кабинета и прочитать табличку на двери.

– Никогда с ними не спорьте, – снова сказала она в пространство. – Никогда. Это не только бессмысленно, это... даже опасно. Это их сплачивает и делает одержимыми.

Ее глухой замогильный голос добавил Ковалеву уверенности в абсурдности происходящего.

– Скажите, мне показалось или вы в самом деле ничего не знаете о смерти своей матери? – На этот раз она взглянула на Ковалева.

– Она утонула, когда я был маленьким, – ответил тот.

– Вдвойне бестактность. И даже жестокость. Наверное, у

вас в семье никогда не говорили об этом...

Как она догадалась? Ни бабушка, ни дед в самом деле не говорили о его матери, и Ковалев не сомневался: им больно ее вспоминать, поэтому на разговоры о ней наложено табу. Он впитал это табу с самых ранних лет и никогда не проявлял любопытства. Дома были альбомы с фотографиями матери, на антресолях хранились ее школьные тетрадки, памятные вещицы – так же как бабушка хранила сандалики Ковалева, в которых он сделал первый шаг; его молочный зуб и прядку волос с первой стрижки; его прописи, его грамоты и медали, первую зарплату. Никто не стремился стереть, уничтожить память о его матери, о ней просто не вспоминали. Жаловаться Ковалеву было не на что, он вырос в любви, окруженный лаской, заботой и вниманием, он не нуждался в матери и ничего к ней не чувствовал. Единственный сон, в котором она ему являлась, и тот был кошмаром.

– Перед вашим приездом здесь только об этом и шептались. Здесь каждый шаг на виду, из любой малости сделают событие, а уж если это в самом деле событие...

У нее была привычка недоговаривать, и эта недосказанность ставила Ковалева в тупик – он не любил и не понимал намеков, предпочитая им ясность и определенность.

Дети младшей группы строились, и он поспешил откланяться, хотя понятия не имел, что делать дальше: по расписанию у дошколят были процедуры, а потом прогулка.

Он вышел в холл вслед за детьми, но в медицинское от-

деление его не пустили, несмотря на сменную обувь. Да и глупо было хвостом ходить за Аней, если нельзя даже перекинуться парой слов. Ковалев стоял еще некоторое время у стеклянной двери, и Аня, ожидавшая своей очереди, смотрела на него, улыбаясь, но потом ее отвлекли две девочки чуть постарше и о папе она забыла. Наверное, к лучшему.

Ковалев долго топтался в холле, выучил наизусть режим дня, вывешенный на доске у входа, меню обеда (молочный суп на первое – Аня такое есть не станет), полдника и ужина, а заодно и расписание автобусов до райцентра и обратно. Ну и прочитал там же с десятков статей о бронхиальной астме с рекламой глюкокортикостероидов. А потом, взглянув на часы, решил съездить в магазин – судя по расписанию, он успевал вернуться за час до обеда.

Народу в автобусе было мало, Ковалев уютно устроился у окошка и хотел немного подремать, но сзади сидели две старушки и жужжали прямо у него над ухом.

Дежавю... Он увидел черную воду реки издали, задолго до того, как автобус въехал на мост: ветер поднимал волну. Ковалев повел плечами – левое отозвалось еле заметной болью, может быть только памятью о ней. Он давно не расстраивался, что пришлось оставить спорт, но иногда вода манила его непреодолимо. За восемь лет он ни разу не бывал в бассейне – и не пришлось, и не тянуло, – но, оказываясь на море или у реки, ощущал что-то вроде вожделения.

Черная холодная вода не только пугала, но и звала... И

что-то толкало изнутри, напоминало, что реку он тогда так и не переплыл. Ковалев даже тряхнул головой, чтобы избавиться от навязчивого желания.

– Вон там, гляди, гляди! – Палец старушки с заднего сиденья ткнулся в стекло возле уха Ковалева. – Где желтый заборчик – там его и выловили, у самого берега. Лодка как перевернулась, товарищ его топором на дно пошел, а этот, говорят, почти до берега доплыл. Без сапог был, фуфайку снял, а все равно утонул.

Ковалев вздрогнул – слова старушки прозвучали словно ответ на его мысли.

– И я тебе говорю: это неспроста. Ну с чего бы здоровому мужику в трех шагах от берега утонуть, а? Ведь плавал хорошо, раз раздеться смог.

Тренер любил повторять, что хорошие пловцы тонут чаще других. И Ковалев мог бы объяснить, от чего здоровый мужик поздней осенью утонет в трех шагах от берега, – от переохлаждения. И неважно, хорошо он плавает или нет, вода одинаково забирает тепло и у куля с мякиной, и у спортсмена-разрядника. Тот, кто пожирней, продержится дольше – минут на пять. Холодная вода неумолима...

В двенадцать лет Ковалева интересовал этот вопрос, он тогда считал, что всего можно достичь тренировкой – научиться плавать в холодной воде тоже. И долго не мог смириться с разочарованием, перечитал множество книг и статей, но все же выяснил: можно, но людей, способных про-

плыть в ледяной воде больше пятисот метров, во всем мире не наберется и сотни. Позже он слышал о зимнем плавании, но это показалось ему несерьезным, любительским – эстафеты бодрых старушек. Да и мировой рекорд не впечатлил: километр за час, не опуская в воду головы... Пассажирам «Титаника» это вряд ли бы помогло.

– И батюшка отказался реку святить... Тоже ведь неспроста, – продолжала старушка за спиной. – Вот правду говорят, что это Федька-спасатель чудит. Николаевна болтала, будто своими глазами его на берегу видела. Он каждое лето водяному рыбаков завещал, непременно дачников, – очень он дачников не любит. И батюшке он под ноги плевал, а тот ничего против сделать не мог – боялся, что и его водяному завещают.

– Скажешь тоже! Чего это батюшке какого-то водяного бояться, если с ним крестная сила?

– А чего ж тогда он реку святить отказался, а? Федьки-спасателя испугался, точно тебе говорю.

– Ничего он не испугался. Не его это вотчина, вот что. Я вот передачу смотрела...

Они минут пять обсуждали взаимоотношения церкви с нечистой силой – в духе, далеком от православия, – а потом перешли на цены в магазинах. Ковалев так и не уснул.

Зато на обратном пути, вдоволь нагулявшись по универсаму райцентра в ожидании автобуса, едва не проспал нужную остановку: проснулся перед самым мостом и, открыв

глаза, увидел черную воду реки. Порывистый ветер не только теребил водную гладь, но и гнул верхушки деревьев и, стоило выехать на открытое пространство, ударил в стекло со стуком, качнул автобус. По асфальту поземкой летели сухие мелкие листья и сор, иногда вихрились, взвивались над перилами моста и парили над черной водой.

Ковалев никогда не отличался ни воображением, ни фантазией, а тут вдруг ощутил ток реки – может, как продолжение сна, которого он не помнил, – ее мощь, если не сказать могущество. И ему почему-то стало смешно: освятить реку! Помахать кадилом и побрызгать святой водой? Вот эту лавину холодной черной воды – жалкими капельками с ионами серебра? Почитать над ней молитву? Она неумолима... Он что-то слышал о вере с горчичное зерно, которая способна двигать горы, но... нет такой веры, что может отменить закон природы.

Автобус, грохоча на ухабах, пронесся через мост, и дорога пошла среди леса, где ветер был потише. Впрочем, когда Ковалев вышел на остановке возле ворот санатория, тихим ветер ему не показался, особенно после теплого салона.

Во время прогулки Аню ему не отдали, сославшись на развивающие игры и дыхательные упражнения. Какие дыхательные упражнения на таком ветру? Конечно, дети были тепло одеты и все время двигались, Ковалев же, посидев на скамейке в стороне от детской площадки, изрядно застыл и решил пройтись по лесу.

Вокруг санатория стоял лес: чистый, ухоженный и утоптаный. В сентябре здесь еще можно было поискать грибы или бруснику, но на пороге зимы ничего интересного для ребенка (с точки зрения Ковалева) тут не было. Он не собирался идти к реке, но все равно неожиданно для себя оказался на ее высоком берегу.

Ветер свистел, продувал куртку (и уши), но Ковалев не спешил уходить, словно черная вода его заворожила. Изящно плетеная ферма железнодорожного моста притягивала взгляд... Ни вчера вечером, ни утром мост не казался ни бесконечно длинным, ни столь легким. Он стоял на двух опорах – ширина реки здесь была около ста пятидесяти метров, мост строили в узком месте.

От реки веяло холодом, и звон ветра в ушах показался тоскливым звериным воем. Черная вода звала, словно соблазняла, дразнила, как кажущаяся доступной женщина, которая в итоге не просто откажет – подставит.

Человек в сапогах и ватнике появился на тропинке неожиданно и поздоровался с Ковалевым – кивком и коротким «драсте». Ковалев тоже кивнул ему, – наверное, здесь, как в деревнях, было принято здороваться со встречными.

– Ты из санатория, парень? – спросил человек, и Ковалев удивился этому обращению: его давно никто не называл парнем. Из-за формы, из-за майорских погон. Да и сам Ковалев парнем себя уже не считал.

Он кивнул, окинув незнакомца взглядом: обычный чело-

век лет пятидесяти, плохо выбритый, с одутловатым лицом и рыхлой кожей, но высокий, широкоплечий. С левой стороны его ватник намок, и вода капала с него на тропинку. Скорей всего, поскользнулся и упал в лужу – это на берегу сухо, а в поселке Ковалев и сам промочил ноги. Только сапоги у незнакомца были чистые и мокрые – наверное, отмытые от грязи в каком-нибудь ручейке.

– А обед скоро?

Ковалев посмотрел на часы:

– Через сорок минут.

Человек сказал «спасибо» и пошел дальше.

Ковалев поглядел еще немного на реку, на противоположный берег, на быстрые серые тучи над головой... Может, удастся поговорить с Аней до обеда? Кроме мрачных видений прошлого есть насущная проблема молочного супа... Он попытался вспомнить, что в таких случаях делала бабушка, но сама она молочный суп не варила, а в сад Ковалев ходил без нее. Зато он хорошо помнил, что в таких случаях делали воспитатели, – это его и пугало.

Видно, развивающие игры и дыхательные упражнения уже закончились, Аня играла с двумя девочками лет семи, и когда он сел на скамейку поодаль, подбежала к нему, даже не оглянувшись на подружек.

– Пап, ты же не уедешь сегодня, правда? – Это было первое, о чем она спросила.

– Нет.

– А завтра?

– И завтра не уеду. И послезавтра тоже.

– Хорошо бы... – вздохнула она. – А все говорят, что ты уедешь.

– Нет. Скоро обед будет, потом тихий час, потом полдник, а потом мы с тобой пойдем гулять.

– И ты на обед пойдешь?

– Конечно. – В этот миг Ковалева осенило, и он добавил: – Сегодня на обед молочный суп, мой любимый.

– Молочный суп? – Аня подняла брови. – Как это «молочный суп»?

– Ну, суп из молока...

Она посмотрела на него с подозрением и страхом:

– Из кипяченого?

Ковалев понял, что снова придется врать, и ответил:

– Нет, конечно. Из простого молока. Мне очень нравится, он сладкий.

– А почему тогда мама тебе его никогда не варит?

Ковалев немного растерялся, но следующее вранье далось еще легче:

– Она его не умеет правильно готовить. А тут настоящие повара, они умеют.

Аня покачала головой:

– Ой, пап, ты не расстраивайся. Я скоро вырасту и научусь готовить для тебя молочный суп. И маму научу.

Ковалеву стало стыдно. Если бы у них с Владой родился

парень, то врать бы не пришлось – разбирался бы он с воспитателями сам.

Однако начало обеда выбило из головы проблемы молочного супа.

Зоя Романовна, как и за завтраком, трижды хлопнула в ладоши, призывая детей к тишине, – и снова встала у Ани за спиной.

– А теперь поблагодарим Господа за этот вкусный обед.

Дети начали подниматься, вместе со всеми встала и Аня. Но старшая воспитательница, дождавшись, когда смолкнет грохот стульев, едко сказала:

– А Анечка у нас не верит в Бога, она может сесть, – и легко надавила Ане на плечи.

Ребенок растерялся и начал оглядываться по сторонам. Издали Ковалеву показалось, что она начинает сильнее втягивать в себя воздух, как перед приступом. Он, конечно, кивнул ей как можно спокойней, но, видно, на лице его отразилось то, что он в эту минуту думал, потому что ребенка его кивок не успокоил.

– Зоя Романовна! – раздался развязный голос со стороны старшей группы. – Я тоже не верю в Бога, можно мне сесть?

– Селиванов, не паясничай! – зашипела на него воспитательница старшей группы, а на лице Зои Романовны не мелькнуло и тени замешательства.

– Что ж, сядь. – Ее угрожающего взгляда испугался бы и Ковалев.

Как ни странно, Аню выходка Селиванова обрадовала, она словно удовлетворилась тем, что сидит не одна. Ковалев посмотрел на нахального паренька – точно, это именно он утром перепрыгнул через перила, – и испытал что-то вроде благодарности. Внутри все кипело, и больше всего хотелось шарахнуть кулаком по столу.

Селиванов демонстративно стучал ложкой, глотая молочный суп, и широко улыбался, пока весь санаторий декламировал молитву. Аня, посмотрев на озорника, тоже улыбнулась и начала есть. Парень ей подмигнул. Ковалев, конечно, считал это нарушением приличий – дело не в молитве, но начинать есть, когда все стоят, нехорошо. Однако вспомнил, что это его любимое блюдо, и в ответ на вопросительный Анин взгляд тоже зачерпнул ложку супа.

Это была удивительная, редкая дрянь... Кипяченое молоко с раскисшей липкой лапшой и сахаром. Воспоминания о детском саде нахлынули вместе с тошнотой, Ковалева едва не перекосило, в горле встал ком... Он попытался изобразить удовольствие, но Аня смотрела на Селиванова и глотала суп, стараясь за ним поспеть.

Никто из воспитателей супа себе не наливал, сразу перешли ко второму.

– Манную кашу вы тоже любите? – с полуулыбкой спросила девушка-психолог, снова сидевшая рядом.

– Еще как, – проворчал Ковалев и кашлянул. Он так и забыл посмотреть ее имя на двери кабинета!

Зоя Романовна села за стол, не взглянув на Ковалева. Налила себе суп и принялась есть – словно на приеме у английской королевы. Лицо ее ничего не выражало.

Между тем в младшей группе явно росло недовольство молочным супом, воспитательница шипела, ворчала, угрожала и убеждала, и Ковалев был несказанно рад, что Аня не начала есть вместе со всеми. И снова про себя поблагодарил Селиванова.

Его воспитательница подошла к столу позже всех и, словно извиняясь перед Зоей Романовной, заговорила:

– Селиванову хоть кол на голове теши... Я определенно заявляю: чтобы его больше к нам не присылали! Сколько можно? Он чем старше, тем наглей. – Она взглянула на Ковалева: – Вот вам наглядный пример: мальчики из православного приюта никогда не поведут себя так вызывающе. Поглядите, Сашенька Ивлев, ровесник Селиванова, сидит тише воды ниже травы – какой хороший мальчик! От него никогда слова грубого не услышишь.

Почему-то Ковалев сразу понял, кто из мальчиков старшей группы – Сашенька Ивлев. Сутулый паренек молча смотрел в тарелку и не реагировал на толчки товарищей справа и слева. Похоже, он не пользовался авторитетом у мальчишек...

Ковалева всегда считали хорошим мальчиком. И учителя, и тренер. Не то чтобы он хотел избавиться от этого «позорного клейма», но мнение ровесников было для него важ-

ней мнения взрослых. Он гораздо больше опасался прослыть трусом, ябедой или жадиной, чем нарушителем дисциплины.

– А хочешь, пошли в бассейне поплаваем, – предложил инструктор Саша, когда столовая опустела. – Пока детишки спят.

Ковалев сначала растерялся, не зная, радоваться ли предложению. Может быть, даже испугался.

– У меня ни шапочки, ни плавок... И полотенца нет...

– Найдем что-нибудь, это ерунда. Пошли.

Ковалев пожал плечами: два часа до полдника нужно было как-то убить.

Душевые были чистенькими, на полу лежала привычная метлахская плитка кирпичного цвета, стенки, как, наверное, везде, были выложены простым белым кафелем, только напор воды отличался от городского. И звуки, и запахи показались знакомыми до боли, но чужими, – будто ожившее воспоминание, а не реальность.

Ковалев не ожидал увидеть олимпийского стометрового бассейна, но все равно горько усмехнулся про себя: не лягушатник, овальный бассейн метров в пятнадцать длиной, в дальнем конце довольно глубокий, но... смешно это было... Однако зелено-голубая вода, пахшая хлоркой, все равно поманила вдруг, сжала сердце тоской – по детству, по несбывшимся надеждам.

– Ничего так, правда? Для нашего захолустья... – с гордостью сказал инструктор Саша.

– Отлично, – кивнул Ковалев.

– С той стороны и нырнуть можно.

– Нырнуть можно и с этой, – усмехнулся Ковалев, подходя поближе к краю.

Привычные движения перед прыжком в воду вспомнились сами собой, и он с трудом удержался от разминки: не рекорды собирался бить – так, поплавать немного. Как в речке. Как нормальные люди плавают...

Но как Ковалев ни прикидывался «нормальным человеком», а инструктор Саша все равно раскрыл рот и восхищенно причмокнул губами.

– Здорово. Какой разряд? – спросил он, когда Ковалев трижды пересек бассейн. Вообще-то, трудно было оценить технику плавания, одного толчка от стенки хватало, чтобы снова оказаться у стенки.

– Я мастер спорта, – угрюмо ответил Ковалев.

– Да, тогда тебе тут тесновато... А чего бросил? Травма?

Ковалев кивнул. Одно неправильное движение, всего одно... Ему казалось, он пережил это, успокоился, забыл.

– А говорят, что в плавании травм почти не бывает.

– «Плечо пловца». Только обычно это позже случается, после двадцати пяти.

Он больше года надеялся, что это временно, что стоит вылечить надорванную мышцу, и все вернется на круги своя.

Он верил, что всего можно достичь тренировкой, что нужно лишь перетерпеть боль – и она уйдет, испугается, отпустит, сдастся. Сдаться пришлось Ковалеву. Нет, он бы еще долго, по словам тренера, «издевался над собой», но результаты никуда не годились, он подставлял и тренера, и команду.

Дед сказал, что это к лучшему – пора подумать об учебе. И Ковалев ударился в учебу, она сделала его существование хоть немного осмысленным. Жаловаться было не на что – майор в двадцать девять лет, начальник отдела, хорошая зарплата, интересная работа. Но...

– Обычно бывшие спортсмены сразу сильно поправляются. А ты, я смотрю, ничего так... – сказал инструктор Саша, вынырнув неподалеку.

Ковалев не поправился тогда – он похудел. Если бы он жил дома, а не в казарме, бабушка нашла бы способ заставить его есть, а тут никто не обращал на это внимания, считалось, что курсант всегда голоден.

Вода бассейна подразнила, но удовлетворения не принесла. И в душе Ковалев никак не мог отделаться от мыслей о реке: ее черная холодная рябь то и дело всплывала перед глазами, и было это подобно вспышке, ожогу. Когда-то, еще в девятом классе, ему нравилась самая красивая девочка школы. Она училась в десятом и, конечно, даже не взглянула бы в сторону Ковалева, да он и не помышлял ни о чем подобном. Тогда, в детстве, воспоминание о ней тоже напоминало вспышку, ожог... Он наизусть знал расписание десятого

«а» и ждал, когда уроки у них будут на одном этаже, – обмирая от страха и сгорая от нетерпения. При виде нее Ковалева обдавало жаром, он боялся, что это станет заметно со стороны, и, как бы ему ни хотелось, остерегался смотреть на нее слишком долго. В это время как раз появился мюзикл «Нотр дам де Пари», и Ковалев, никогда раньше не интересовавшийся песнями о любви, был потрясен двумя строчками – тогда они казались ему откровением: «Безумец, прежде я не знал, что значит страсть» и «Я душу дьяволу продам за ночь с тобой». Вспоминать это было смешно и немного стыдно. Он даже начал читать «Собор Парижской Богоматери», несказанно удивив бабушку – она всегда сетовала на то, что он мало читает, – но быстро завяз в исторических описаниях и бросил это неблагодарное занятие.

Одеваясь, Ковалев поймал себя на мысли, что сейчас же, немедленно надо идти на берег реки, и ощутил волнение – словно школьник перед решительной встречей с девчонкой.

Но едва он вышел в холл, приглаживая мокрые волосы, как его окликнула главврач – женщина моложавая, серьезная и занятая.

– Сергей... кх... Александрович... Вы не зайдете ко мне в кабинет ненадолго?

Ковалев пожал плечами: почему бы нет? Впрочем, ничего хорошего он от этого разговора не ждал. Проходя мимо двери в приемную, он бросил взгляд на табличку, где значилось: главный врач, д. м. н., профессор Санько Татьяна Алексеев-

на.

В просторной приемной за компьютером раскладывала пасьянсы немолодая секретарша, которая вежливо кивнула Ковалеву, – вчера он подарил ей коробку конфет за добытую путевку, и она, как и Зоя Романовна, смотрела на него пристально и удивленно.

Кабинет главврача оказался на редкость скромным и мало напоминал медицинский. А на полках между книг и папок с документами стояли многочисленные иконки – как картонные, так и застекленные, в металлических окладах.

– Садитесь, – просто сказала главврач, обходя свой стол, и, не дожидаясь, пока Ковалев усядется, продолжила: – Я хотела извиниться за этот неприятный инцидент за обедом.

– Какой инцидент? – искренне не понял Ковалев.

– Зоя Романовна позволила себе бестактность по отношению к вам и вашему ребенку, и мне бы не хотелось, чтобы вы судили на этом основании о нашем санатории.

Ее взгляд был искренним, добродушным и умным.

– А, это. – Ковалев вздохнул.

– Видите ли, к нам редко попадают дети из неправославных семей, и обычно это заметно... ну, вы понимаете... или по фамилии, или по лицу.

Ковалев хотел переспросить, что она имеет в виду, но через секунду и сам догадался: всех русских детей здесь априори причисляют к православным.

– Не подумайте, что мы принуждаем детей молиться, на-

против – в начале осени у нас были две девочки-мусульманки, и Зоя Романовна нарочно выяснила у их родителей, как в их семьях принято начинать трапезу: это был хороший урок веротерпимости для всех детей...

Ковалев кашлянул.

– Я попробую объяснить... Видите ли, наш санаторий уже несколько лет поддерживает отношения с приютом для мальчиков-сирот, и простейшие православные традиции дети сами начали перенимать от приютских ребят, мы ничего не навязывали им сверху. У нас крестились многие дети из интерната, по своей инициативе.

Татьяна Алексеевна говорила гладко, словно читала написанный текст, и к концу фразы Ковалев успевал забыть, с чего она начиналась. Упомянула главврач и о пожертвованиях от епархии, которые превращают заурядный муниципальный санаторий в один из лучших в области, и о благотворном влиянии религии на дисциплину, и о моральных ценностях, столь неприсущих современным детям... Когда она дошла до слова «богобоязненность», Ковалев кашлянул погромче.

– Я все понял. Для меня будет достаточно, если моему ребенку не будут прививать богобоязненности и лечить чудотворными иконами.

– Да-да, именно об этом я и хотела сказать, – улыбнулась Татьяна Алексеевна. – Мне кажется, на примере вашей дочери мы могли бы привить детям и уважение к атеизму, что немаловажно.

Ковалев вдохнул поглубже, чувствуя нарастающее раздражение. Хотелось бы, чтоб уважение к атеизму сперва привили персоналу санатория...

— Сегодня за завтраком мне сказали, что моя дочь вырастет наркоманкой или проституткой... — тихо сказал он. — Надеюсь, до детей это утверждение не дойдет.

— Я уже сделала внушение и Зое Романовне, и другим педагогам, — сдержанно ответила главврач. — Впредь это не повторится. И я еще раз прошу у вас извинения за столь... неэтичное поведение моих подчиненных.

Ковалев никак не мог взять в толк, почему эта женщина заливается тут соловьем, юлит, извиняется, что-то пытается объяснить. Неужели из-за заплаченных за путевку денег? Не в карман же она их положила...

А потом догадался: пропаганда религии детям запрещена. В отличие от уверенных в своей правоте воспиталок и докториц за столом, Татьяна Алексеевна испугалась. В самом деле, не будь здесь Ковалева, и Аня бы приехала домой, набравшись всей этой мракобесной ерунды. Да они с Владой никогда даже не заговаривали о религии или атеизме, им не приходило в голову, что атеизму ребенка надо учить! Это само собой разумелось, это было нормально, естественно, как дышать воздухом.

Когда он вышел от главврача, измученный ее гладкими речами, до полдника оставалось пятнадцать минут.

– Пап, а почему все верят в Бога, а мы нет?

Аня держалась за руку Ковалева так крепко, будто боялась чего-то. Он повел ее в поселок, показать дом тети Нади, – почему-то не поворачивался язык назвать этот дом своим. И смущало Ковалева только одно: для этого надо перейти реку по железнодорожному мосту.

Вопрос поставил его в тупик.

– Ну почему, пап?

Ковалева спасла трель мобильного – он поглядел на экран и вздохнул с облегчением: звонила Влада.

– Мы спросим у мамы...

– Серый, привет. – Голос у жены был громкий, приходилось отодвигать трубку от уха. – Я верно рассчитала, когда позвонить?

Аня просияла.

– Ты вовремя, – ответил Ковалев. – Я тебе ребенка сейчас дам.

Аня ухватила за трубку обеими руками.

– Мама! Мама, почему ты никогда не готовишь папе молочный суп? – с укоризной начала она. И это вместо того, чтобы рассказать о первом дне в санатории...

– Что? Какой молочный суп? – Ковалев прекрасно слышал каждое слово, сказанное Владой.

– Ну папин любимый! Ты что, не можешь научиться, что ли?

Влада неопределенно хрюкнула, видимо сдерживая смех.

– Зайчонок, я обязательно научусь, честное слово... Ты мне лучше Расскажи, нравится тебе в санатории?

– Да, тут весело, мы играем. Тут девочек много, больше, чем у нас во дворе. И игрушки разные. Только надо днем спать зачем-то, и никто в тихий час мне не читает... Папе же нельзя, где другие девочки. А за нашим столом он не помещается, он с женщинами за столом сидит. Только ты не бойся, ты все равно лучше, он с ними и не разговаривает даже.

Аня взглянула на Ковалева хитрющими глазами – детям все же вредно смотреть телевизор, особенно мыльные оперы, под которые Влада любит вязать.

– Ты про Бога хотела спросить, – напомнил Ковалев, опасаясь, что отвечать на этот вопрос придется ему самому.

– Да, мам, папа не знает... А почему мы не верим в Бога? Влада фыркнула, но не долго подбирала слова:

– В Бога верят только придурки.

Да, толерантности и веротерпимости в ее ответе было маловато, такое Ковалев и сам мог бы измыслить. Впрочем, Влада всегда говорила то, что думает, и никогда не думала, что говорит.

– Это точно? – переспросила Аня.

– Совершенно точно.

Они поговорили еще немного о дыхательных упражнениях и физиотерапии, и наконец трубка попала в руки Ковалеву.

– Серый, я оценила твой педагогический подвиг с молоч-

ным супом... – Влада прыснула. – Ты в самом деле это ел?

– Да, ел, – проворчал Ковалев. – А вообще... все не так гладко. Я тебе вечером позвоню, мы поговорим.

– Что-то не так? – Влада испугалась.

– Потом, ладно?

– Ладно. Только не забудь позвонить сегодня же.

Черное тело реки в чешуйках ряби показалось меж деревьев, и у Ковалева странно и часто забилося сердце.

– Ой, речка, пап, смотри, речка! – радостно вскрикнула Аня и потащила его вперед.

Это было похоже на вождение... Даже дыхание сбилось. Сбросить одежду, вырывая пуговицы, – как в кино изображают неистовый секс – и с разбегу нырнуть в ледяную черную воду. Ощущение опасности и страх перед холодом только распаляли непонятное желание: то ли взять ее, как женщину, то ли отдаться ей, то ли ее победить, то ли себя, то ли слиться с нею, то ли, подобно змееборцу, попать ногой ее гибкое холоднокровное тело. Но когда впереди показался железнодорожный мост, вождение сменилось тревогой.

Ветер – недобрый, колючий – ударил сбоку, словно хотел сшибить с ног. Аня отпустила руку Ковалева и с прискоком побежала по тропинке к мосту – навстречу ветру. И показалось, что ветер вот-вот подхватит ее и понесет над землей, как осенний лист. Ковалев ускорил шаг: там гнилые доски, там дыры между шпал...

– Аня, стой, погоди! Не ходи одна!

Она не послушалась его – а может, попросту не услышала из-за шапки и капюшона. Ковалев испугался, бросился за ней бегом и нагнал только на мосту, когда она остановилась перед первым провалом в гнилых досках.

– Ой, пап, а как же мы тут пойдем? – Аня подняла на него испуганные и удивленные глаза.

– Очень просто, – ответил Ковалев и поднял ее на руки.

С дочкой на руках идти по шпалам оказалось трудно. Не потому что девочка была тяжелой, – своя ноша не тянет – просто неудобно было смотреть под ноги.

– Пап, давай тут постоим немножко, посмотрим на речку, – попросила Аня на середине моста.

– Тут холодно, тебя продует, – ответил Ковалев, жалея, что не поднял воротник куртки. И подумал еще: не может ли такой ветер вызвать приступ удушья?

– Это тебя продует, потому что у тебя шапки нет, – сказала Аня, поглядев на Ковалева. – А у меня и платок, и шапка, и капюшон, и рукавички.

Нет, ничего похожего на приближение приступа Ковалев не заметил, наоборот – на щеках ребенка горел здоровый румянец, и дышала она легко, словно наслаждалась сильным током воздуха в лицо. Он остановился и подошел к перилам.

– Ну посмотри. Только недолго.

Река катилась навстречу, сильная и непобедимая, готовая сшибить мощные бетонные опоры моста.

Аня повернулась лицом к ветру:

– Ветер-ветер, ты могуч, ты гоняешь стаи туч, ты волнуешь сине море, всюду веешь на просторе... Не дуй так сильно, пожалуйста, а то у моего папы уши простудятся.

Может, Ковалеву это показалось, но ветер в самом деле немного поутих...

– Вот. Видишь, надо только попросить хорошо. – Аня победно взглянула на Ковалева. – Сказать волшебное слово.

Впереди вдруг раздался гудок тепловоза, и Ковалев опомнился: нашел место, где постоять! Бежать к берегу опасно – ничего не стоит переломать ноги. Он двинулся вперед по гнилым доскам пешеходной дорожки, казавшейся слишком узкой, пока не добрался до ниши между пролетов фермы.

Поезд не заставил себя ждать, и стоять рядом с ним было жутковато – Ковалев видел, как под колесами прогибаются рельсы, как покачиваются вагоны, не говоря уже о ветре и грохоте. Аня глядела на товарняк раскрыв рот и несколько не боялась. Состав оказался длинным, затекла рука, державшая Аню...

– Пап, а давай летом сюда приедем, – сказала она, когда поезд проехал мимо.

– Зачем? – спросил Ковалев.

– Будем в речке купаться.

– Посмотрим, – ответил Ковалев. После разговоров за завтраком ему вовсе не хотелось снова сюда приезжать.

– А тебе не тяжело меня столько нести?

– Нет.

– А вот маме тяжело, – вздохнула Аня. – Вот как правильно это придумали, чтобы у ребенка были и папа, и мама. А здесь, представляешь, у некоторых детей вообще нет ни мамы, ни папы. У одной девочки, с которой я теперь дружу, есть мама, но она живет где-то далеко и к ней почти не приезжает.

– Ты только смотри не хвастайся, что у тебя есть и мама, и папа, другим детям это будет обидно.

– Нет, что ты, я не хвастаюсь.

– И... Ты не повторяй, что тебе мама сказала... Ну, про придурков. В Бога верят не придурки, а люди... слабые, которые в себя не верят.

– А мы сильные, да? – Она повернула голову и посмотрела пристально, словно проверяя Ковалева.

– Да.

– А почему?

– Потому что... – Ковалев никогда не задумывался об этом, и ответить было трудновато. – Потому что мы можем надеяться только на себя.

Он вспомнил свою беспомощность, когда Аня задыхалась у него на глазах. Думал ли он тогда о какой-нибудь высшей силе, что способна помочь? Наверное, нет. Он надеялся на «скорую», а не на высшую силу. А когда тонул в черной реке в двенадцать лет? Думал ли он о помощи? Да нет, не думал – он понимал, что это смерть, и принимал ее как закономерный итог своей слабости.

– А почему мы не надеемся на Бога?

– Не хотим. Человек выше Бога. Только не все это понимают.

Ковалев вдруг понял, что к атеизму его слова не имеют ни малейшего отношения, и прикусил язык.

– Человек выдумал Бога нарочно, чтобы... чтобы легче жилось, – поправился он.

Нет, Влада была права, незачем забивать ребенку голову вопросами религии и атеизма, довольно простых и понятных ответов.

В домах, мимо которых они проходили, снова откидывались занавески – это смущало и раздражало. Будто Ковалев был не одет. А у забора напротив, чуть в стороне, стояла сморщенная старушка в черном и прямо-таки впилась в Ковалева взглядом, едва они с Аней повернули на улицу, к своей калитке. Здесь никому не приходило в голову, что это бестактно – так откровенно разглядывать незнакомого человека.

И когда они направились обратно в санаторий, Ковалев опять заметил старушку, стоявшую на том же месте и так же пристально и беспардонно его разглядывавшую.

Ужин был не в пример тише обеда – в санатории оставались только те, кто работает посуточно: нянечки, две воспитательницы, дежурные врач и сестра. После этого Ковалеву позволили поприсутствовать на музыкальном занятии, а по-

том намекнули, что из санатория можно убираться восвояси до завтрашнего утра, – детям положены тихие игры в группе и подготовка ко сну.

Ковалев постоял на крыльце бывшей усадьбы: сквозь тучи белесо просвечивала луна, путаясь в голых черных ветвях деревьев, как на любимых готических картинках Влады, и аллея убегала в крошечную темноту – на территории почему-то не горели фонари.

И стоило вспомнить, что сейчас предстоит перейти через реку, как сердце стукнуло сильнее и странная мысль пришла в голову: в темноте можно попробовать ее переплыть, никто не увидит и не сочтет Ковалева ненормальным... Он потрянул головой и подумал, что в самом деле сходит с ума и по возвращении в город надо взять абонемент в бассейн, если уж так хочется поплавать. Идея вызвала только тошноту...

Переходя через мост, Ковалев старался пореже смотреть на реку и почаще – под ноги. Он позабыл о купленном фонарике, довольствуясь тусклым лунным светом, а когда луна ушла за плотную тучу, он был уже у самого берега. Вот тогда, ненадолго растерявшись от полной темноты вокруг, он и услышал впереди угрожающий собачий рык. Собак Ковалев не боялся – ни больших, ни злых, ни бойцовых, ни бешеных, а потому не замедлил шаг. Однако собака не поспешила уйти с дороги; напротив, ее угроза превращалась в ярость – и хотя Ковалев не видел пса, без труда представил себе оскаленные зубы и готовность к немедленному прыжку. Впере-

ди блеснули два зеленых глаза, шагах в десяти, уже на насыпи. Здесь наверняка хватало безбашенных цепных псов, которые время от времени оказывались на свободе, и этот был из таких, ведь бездомные собаки редко в одиночку угрожают человеку.

Фонарик, как назло, лежал на самом дне полиэтиленового пакета, под лампочками, и Ковалев решил не тратить время на его поиски: если собака не отступит, это станет проблемой собаки...

Впереди снова блеснули зеленые глаза, рычание смолкло, а когда сквозь тучку пробилось немного лунного света, Ковалев увидел мелькнувший силуэт здорового пса, тут же пропавший в тени насыпи.

* * *

Витька развалился на полу, опершись спиной на стену, и закинул ноги на огромного засаленного плюшевого медведя; рядом с ним скромно сел на корточки Сашка Ивлев.

– Если хоть одна падла завизжит – урою, ясно? – начал Витька строго и оглядел спальню младшей группы.

Обычно спать их укладывали дежурные девочки из старшей группы, это Павлик уговорил Витьку прийти вместо них и пообещал, что будет тихо, в чем вовсе не был теперь уверен. Если кто-нибудь начнет орать – прибегут нянечки и нажалуются на Витьку Зое. Дежурные, правда, тоже рассказы-

вали на ночь страшные истории, но совсем не те, что знал Витька.

Сказать, что Павлик любил старшего брата, – ничего не сказать: Витька составлял самое большое счастье его жизни. Само по себе здорово иметь старшего брата, но такого, как Витька, – это ведь не каждому так везет! Да почти никому... Конечно, у них с Витькой были разные отцы, и у двух их сестер – еще два других отца, и у самого младшего их брата – еще один другой отец. Но мать-то была одна! И сдала Павлика в тот же интернат, что и Витьку, потому что у них обоих астма. Сестру Лену в этот интернат не взяли, у нее никаких болезней не было, и матери, чтобы ее сдать, пришлось через суд лишаться родительских прав, а сестру Катю она из интерната уже забрала, потому что та стала большая и может готовить еду, убирать и сидеть с младшим братом. У младшего брата болезней тоже пока не нашли, и Витька сказал, что матери, может, опять придется сдавать его по суду. Нет, она была хорошая и даже плакала, когда Витька с Павликом уезжали из дома после каникул, но ведь понятно, что ей с детьми некогда и денег не хватает.

– Значит, про волка сегодня будете слушать. – Витька зевнул и похлопал ладошкой рот.

Павлик хотел услышать что-нибудь другое, про волка – это было слишком страшно, особенно здесь, в санатории. Страшной истории про волка была только история про Бабу-ягу...

Павлик приехал сюда в первый раз, и хотя интернат тоже назывался санаторным, но там никакого лечения не было, и бассейна не было, и не гуляли там столько, сколько здесь. Витька любил ездить в санаторий, потому что тут вместо шести уроков было только три в день. Однако «санаторные» истории Павлик слышал и раньше, их рассказывали в интернате, потому что все интернатские ездили сюда из года в год и место считалось как бы своим. Но одно дело слушать страшилку в пятиэтажном каменном корпусе, когда под окном проезжают машины и горят фонари, когда понятно, что никакая Баба-яга не встретится тебе в коридоре или на лестнице, и совсем другое – этот деревянный дом прямо посреди леса, с одной стороны которого река, а с другой сразу за шоссе начинается гиблое болото... От одного только слова «гиблое» у Павлика пробегал мороз по коже.

Кто-то из приютских прыснул в кулак:

– Мы чё, маленькие, что ли?

– А то нет! – хохотнул Витька. – Смотри, матрас не обоссы, вонь подритузная. Не маленькие они...

Приютские этой истории не слышали, вот и смеялись. И другие, не из их интерната, тоже не слышали этой истории.

– Это десять лет назад здесь случилось, когда я в первый раз сюда приехал, мне пять лет только исполнилось, я самый маленький был в этой спальне. И был у нас один ушлепок, года на два меня постарше, Никитой его звали. Он у окна спал, вон на той кровати, а я на той, где Пашка сейчас... И

вот как-то раз проснулся я ночью, а он стоит и в окно зырит. Не, ну не уперлось, конечно, – подумаешь? А мне вдруг так ссыкотно стало... Я его свистнул, а он не откликается. И руку так медленно поднимает и машет кому-то за окном. И лыбится еще.

Павлик слышал эту историю не однажды, но Витька почему-то всегда рассказывал ее по-разному.

– Я его обратно позвал, а он на меня не глянул даже. И тут я слышу – кто-то идет по лестнице. Тоже медленно, как будто крадется. Половицы тихо так скрипят и долго. А Кит повернулся к двери и зырит на нее. И слышно, что это не человек идет, потому что когти по полу щелкают. Подошел он к двери и с той стороны остановился. И стоит. Я уже начал думать, что мне приглючилось, – ну не слышно больше ничего. А Кит на дверь все зырит и зырит. И жуть такая – все дрыхнут, а он стоит молча. И за дверью не человек стоит. Я Кита опять хотел позвать, и не могу – в горле от страха пересохло.

– Мама... – шепнул кто-то.

– Не визжать, я сказал! – Витька повернулся на голос. – Это еще не самое страшное. Самое страшное потом было. А тогда этот не человек постоял под дверью и вниз пошел. А Кит дождался, когда он уйдет, лег обратно в кровать и тут же уснул. А утром он и говорит, что мать свою видел под окном, что она ему рукой махала и улыбалась. А мать его на самом деле умерла, это все знали. Известное дело – если покойник

тебя к себе зовет, значит, ты скоро умрешь.

– И что, ничего уже не сделать? – со странным хлюпающим вздохом спросил Мишка Воскресенский из приюта. У Мишки астмы не было, он в санатории просто так был, как все приютские.

– Надо перекреститься и три раза «Отче наш» прочитав без ошибок, – назидательно вставил Сашка Ивлев. – И крест еще покойнику показать.

Сашка все-таки глупый был немного, хоть и из старшей группы.

– Тьфу на этот «Отче ваш». – Витька толкнул его локтем в бок. – Надо три раза плюнуть через левое плечо и сказать «чур меня». И ни за что не соглашаться с покойником идти. И вообще – покойник, особенно родственник, приходит не просто так, а предупреждает. Ну, типо, не щелкай клювом. И если перекреститься, то он обидится и больше не придет, не будет предупреждать.

– Это ты сам только что и выдумал, – фыркнул Сашка.

– Хрен тебе на весь макияж, мышь дистанционная. Я не выдумал, мне дядя Федя сказал. Еще давно, еще когда он не утонул. Так об чем это я?.. Пацаны из старшей группы Киту тогда и сказали, что если он опять шаги услышит, чтобы он к ним в стенку стучал. Потому что они знают, что это приходил волк. Он раз в десять лет обязательно должен загрызть одного ребенка. Вот и считайте, мне тогда было пять, а сейчас пятнадцать. Как раз десять лет прошло.

– А если нет родственника?.. – еле слышно спросил Павлик.

– В смысле?

– Ну если никто не умирал, кто тогда предупредит? Никто?

– Тебя дядя Федя в случае чего предупредит, не бойсь, – отмахнулся Витька. – Дальше слушай и помалкивай. На вторую ночь я опять проснулся. Все спят – и Кит тоже дрыхнет. И так мне ссыкотно стало – я же маленький тогда был... И холодно еще. Батареи жарят, а в спальне дубак... Я смотрю – а из окна свет, голубенький такой, будто за окном дебилятор работает.

Павлик покосился на окно, и ему показалось, что оно светится.

– И слышу я шаги опять на лестнице: клац, клац, клац... Я бы и заорал – но не могу, давлю крик из себя, и все козе в трещину! Я бы, может, и постучал в стенку, но с моей стороны стенка к девкам была, а к пацанам из старшей группы – с той стороны, где Кит. И тут я смотрю – рука в окне, синяя такая, тонкая и вроде бы даже прозрачная. Ну, с херов ли, второй этаж – подумаешь... Летающие мертвецы – это еще круче, чем волк на лестнице. А рука к стеклу потянулась и вроде как стучит, только звука нет никакого. А Кит, представьте, проснулся, лыбится глупо так и встает с улыбочкой, в окошко ручонкой машет. Довольный, как пляжная ворона... А ему ведь говорили, что надо в стенку постучать, но

он утупок был, не захотел. И тут я слышу – скрипит дверь. И сквозняк сразу, еще холодней. Кит к двери обернулся и лыбиться-то сразу перестал. Я тоже на дверь посмотрел. В коридоре же лампочка всю ночь горит, хоть и тусклая. Чтобы вы, когда в сортир идете, на стенки не натыкались. А я смотрю – свет из коридора красный какой-то. И в дверях стоит натурально волк. И не какой-нибудь там из Красной Шапочки, а живой волк. И морду щерит. А зубы – зашибись колесный трактор! В полпальца длиной, тонкие и острые. Глаза светятся и слюни на пол натурально капают.

– Ой... – придушенно пискнул кто-то.

Если бы Витька рассказывал как-нибудь не так, не говорил про слюни, может, не так было бы страшно. Павлик не видел волка – пока он его только слышал. Прошлой ночью, на лестнице – точно так, как рассказывал Витька: клац, клац, клац...

– Не ссать, – строго сказал Витька. – Слушайте. Кит рот разевает – как рыба все равно, молча. Я вижу, он крикнуть хочет и не может. И я тоже крикнуть не могу. Так он разевал, разевал рот, а потом выдавил писк слабенький такой. Ну, а после этого как будто проснулся и заорал уже громко, по-настоящему. И дверь, представьте, тут же захлопнулась. Все проснулись, конечно, на крик нянька прибежала. Она добрая была – посидела с Китом, пока он не уснул.

Главное – закричать. Прошлой ночью Павлик тоже хотел закричать, и никак не мог. Вот точно так, как рассказал

Витька: разевал рот и не мог выдавить ни звука...

– А на следующий день нянька все Зое рассказала, а та – Татьяне. Татьяна не захотела батюшку звать, так Зоя тайно от нее Кита в церковь свозила и еще воды святой приперла, побрызгала тут все. И вечером еще с Китом сидела, грузила, что теперь никакие волки ему мерещиться не будут.

– Наверняка она ему снотворное дала... – сказал Сашка Ивлев.

– Не давала она ему никакого снотворного! – повернулся к нему Витька. – Я точно знаю.

– Откуда ты можешь знать, если тебе пять лет было?

– Два весла тебе в рот, я точно знаю. Потому что Татьяна орала на нее потом и говорила, что лучше бы она просто валерьянки ему дала!

– А ты вот так все хорошо запомнил, да? – не унимался Сашка.

– Да, запомнил! С тобой бы такое было, ты бы тоже запомнил.

Витька помолчал немного и продолжил:

– И вот на третью ночь просыпаюсь я обратно от холода. Все дрыхнут, и Кит тоже давит хрюшку. Опять свет в окне светит. Я уже знал, что сейчас его мамаша будет в окно стучаться. Слышу шаги на лестнице, а Кит все не просыпается! Да, я забыл сказать, что в прошлые разы, как волк к двери подходил, в спальне почему-то то ли тинной пахло, то ли дохлой рыбой. Противно, в общем. И в этот раз тоже чувствую

– воняет тиной. И холодно так, что уже зубы стучат.

Прошлой ночью Павлик тоже чувствовал запах тины. И у него тоже от холода стучали зубы. Не от страха, а именно от холода.

От окна слышались всхлипы – Мишка Воскресенский из приюта, лежавший на месте Кита, разревелся все-таки.

– Ты, сопля голландская! Чего реवेशь? – строго спросил Витька.

– Так ведь это... – дрожащим голосом завел Мишка, – я тут у окошка лежу...

– Не бзди, чепушок. У нас все по фэншую. Тебе вон Сашка на ночь «Отче ваш» почитает. Без ошибок. Может, не до-сказывать?

Все, конечно, сказали, чтобы он дальше рассказывал, только Мишка пищал, что хватит. Витька велел ему уши заткнуть.

Этого самого волка Павлик видел уже несколько раз. Сначала он думал, что это просто собака бежит за оградой санатория. Потом догадался, что волк (именно тот волк, про которого рассказывал Витька) выслеживает именно его, Павлика, – когда столкнулся с ним позади корпуса. Павлик тогда закричал и даже разревелся от испуга. Его отвели к Зое, и он по глупости рассказал ей, что видел волка. Зоя его научила: в следующий раз, когда он увидит этого волка, непременно перекреститься и читать «Отче наш». И даже заставила его выучить молитву наизусть. А еще сказала, что после того,

как Павлика покрестит батюшка, волк к нему больше никогда и близко не подойдет. Но в той истории, которую рассказывал Витька, все было наоборот...

– И вот открывается дверь, а Кит дрыхнет! Волк на пороге остановился, щерится и воздух нюхает. Я не знаю, почему он именно Кита выбрал, нас восемь человек было в спальне. Но вот я уверен, что он вынюхивал именно Кита. А Кит же дальше всех был от двери! Волк постоял-постоял и медленно так через порог перешагивает... Три шага сделал и опять нюхает. Ну, тут, ребята, я вообще дышать перестал. Какое там крикнуть или шевельнуться! А он по проходу вот этому проходит и когтями клацает. До моей кровати дошкандыбал и опять остановился. Не знаю, почему я глаза не закрыл от страха, – наверное, он меня заколдовал. И тут волк поворачивается ко мне и говорит: «Лежи и молчи».

По спальне разнесся зажатый подушкой вскрик – хорошо, что не очень громкий.

– Так, я чё сказал-то? – резко изменил тон Витька. – Если нервные, нечего было меня звать.

– Вить, ты рассказывай дальше скорей... – плаксиво выдавил Кириллов.

– Ладно. Человеческим голосом говорит, русским по белому. Четко так. Я не знаю, может, и приглючилось мне со страху, конечно. А волк дальше почапал по проходу, подошел к Киту и передними лапами на кровать встал. Оглядел еще всю спальню – не мешает ему никто?

– Загрыз? – охнул неугомонный Кириллов.

– Помалкивай. Я думаю, если бы Кит проснулся, он бы от разрыва сердца тут же и кони бы двинул. Но Кит даже не пошевелился. А волк обнюхал его обстоятельно так, опять на всех посмотрел, зубы всем показал и слез на пол, почапал обратно, к дверям. И главное, дверь за ним сама захлопнулась, как от сквозняка.

– И что, утром нашли Кита мертвым? – безо всякой издевки спросил Кириллов.

– А вот хрен там плавал, – радостно ответил Витька. – Проснулся он жив-здоров, Зоя радовалась, что святая водичка помогла.

– И все, что ли? – разочарованно протянул один приятский.

– Щас тебе. Через три дня Кит утонул. А это в октябре было, купаться не сезон. Он с детской площадки в сортир пошел и не вернулся. Когда искать стали, кто-то из obsługi сказал, что видел большую серую собаку. Ну правильно, никому в здравом уме не придет в голову, что волк средь бела дня в санаторий припрется. А Кита дядя Федя нашел в речке через два дня, всего рыбами обглоданного. В общем, доигрался хрен на скрипке – больно музыку любил...

– Ой... – выдавил кто-то.

– Мамочка... – раздался шепот из другого угла.

– А я говорю, ему Зоя снотворное дала, вот он и не проснулся, – сказал Сашка Ивлев.

– А я говорю, она ему не давала снотворного! К нему мать приходила предупредить, в окно стучала, а он ее уже не услышал, потому что в церкви был и потому что Зоя тут святой водой побрызгала.

– Да ерунда это! Любая нечистая сила боится святой воды! – стоял на своем Сашка. – И если бы Зоя тут все побрызгала, никакой волк через порог бы не переступил. Не смог бы, понятно?

– А писю у белки видал, клизма самоходная? – беззлобно ответил Витька. Сашка к нему как банный лист приклеился, потому что Витька был сильный и добрый, а приютских интернатские пинали и прикалывали, потому что, по словам Витьки, все приютские были пыльным мешком по голове ударенные. – Татьяна монографию сочинила о впрыске пациентам православного позитива. Кит позитива нахавался и задрях расслабленно. А волкам в православном позитиве никакого пафоса, хоть ты по колено святой воды сюда налей.

– Вить, ты только сразу не уходи, ладно? – запищал Костик Кириллов.

– Может, няньку позвать? – осклабился Витька.

Он не ушел. Из-за Павлика. Потому что Зоя собиралась его покрестить. Прошлой ночью Павлик проснулся будто от толчка, ему снилось что-то, он понимал, что это сон и что надо проснуться, и никак не мог открыть глаза. Тогда он и услышал шаги волка на лестнице, все как рассказывал Витька: кляц, кляц, кляц... Волк стоял под дверью в спальню,

Павлик слышал его дыхание, однако, как и в Витькиной истории, в первую ночь волк в спальню не зашел. Но если Зоя его покрестит, следующей ночью Павлик не проснется – и тогда волк точно зайдет в спальню и его загрызет. А Зоя непременно его покрестит, во-первых, потому что он один здесь некрещеный, если не считать новенькой девочки, а во-вторых, потому что в молельной комнате у него всегда случается приступ, и даже Сашка Ивлев говорит, что это дьявол, которого в церкви колбасит.

Как ни странно, все подозрительно быстро успокоились и уснули, и Сашка Ивлев ждать Витьку не стал. Витька же все сидел и даже задремал ненадолго. Павлик с ужасом ждал, что он вот-вот проснется и уйдет... Но Витька проснулся и не ушел.

– Слышь, Пашка... – Он зевнул и переложил медведя себе под голову. – Я тут посижу, а ты спи. Но если я засну, а ты что-нибудь такое услышишь, ты меня сразу разбуди, понял?

Вот такой старший брат был у Павлика. Настоящий брат, который не бросит.

* * *

В доме было холодно и сыро – за сутки тепло выветрилось, и, как бы Ковалеву ни хотелось спать, пришлось снова топить печку. Теперь он уже знал, что не нужно открывать вьюшку полностью, чтобы топить дом, а не улицу, но все рав-

но долго не мог приноровиться – то огонь был в топке, как реактивный двигатель, то дым валил в комнату и приходилось открывать форточку и дверь, отчего теплей не становилось. Намучившись с этим нехитрым делом, Ковалев едва не забыл позвонить Владе.

Он не стал говорить ей о местных сплетнях и косых взглядах в свою сторону, а потому его аргументы против пребывания в Заречном Владу не убедили – она считала, что пока ребенку в санатории нравится, ничего менять не стоит.

– Представляешь, здесь бассейн есть, – сообщил ей Ковалев.

Влада помолчала: знала, чего ему стоило уйти из спорта.

– И... как?

– Да смешной бассейн, пятнадцать метров. Я к тому, что ребенку полезно...

Маленьким Ковалев подолгу и часто болел, бабушка берегла его от сквозняков, грела мороженое и кутала, словно они жили на Северном полюсе. Дед возражал, но, очевидно, она его не слушала. И однажды после воспаления легких он потихоньку от бабушки записал Ковалева в секцию плавания, в бассейне, который открыли в соседнем доме. Бабушка рыдала и кричала, что дед хочет угробить ребенка, пила сердечные капли, мерила Ковалеву температуру и превентивно поила кипяченым молоком с содой. Но, вопреки ее уверенности, болеть Ковалев сразу перестал.

– Тогда тем более нет смысла уезжать, – ответила Влада. –

В общем, Серый, сиди и помалкивай. Кушай молочный суп, он питательный. А я в пятницу к вам приеду.

– Очень долго добираться. И неудобно. Дизель сюда утром идет...

Но Влада уже изучила расписания электричек и автобусов:

– Если я в четыре часа выберусь из дома, то в девять буду в райцентре. Ты меня встретишь?

– Конечно. Но автобусы ходят до восьми.

– А маршрутки?

– Здесь нет маршруток, только такси.

– Вот и хорошо. Поедем на такси.

Влада всегда тратила больше, чем Ковалев мог заработать, но он не упрекал ее за расточительность, а она не ставила ему в вину размер его зарплаты.

Из-за неумения топить печку Ковалев снова лег спать поздно и мгновенно заснул.

Его разбудил тот же самый кошмар, что и прошлой ночью, только на этот раз грохот поезда ему приснился – Ковалев проснулся в полной тишине и сел на кровати. Было жарко, как в сауне, на спине майка промокла от пота.

Из угла комнаты на него смотрели два зеленых глаза, и, как продолжение кошмара, раздалось негромкое, но отчетливое рычание. Не горел только ночник, иначе бы Ковалев подумал, что все еще спит. Наверное, он и в самом деле еще

не проснулся толком, потому что не удивился и не испугался, а встал и сказал в темноту:

– Ну вот ты мне и попался...

Собственный голос разбудил Ковалева окончательно, он понял, что стоит посреди темной комнаты, и, конечно, в углу никого нет. Он включил торшер – ходики показывали два часа ночи. Значит, он проспал всего около часа... От печки шли осязаемые волны жара – наверное, на этот раз он топил ее слишком долго, уверенный, что как только дрова прогорят, так печь начнет остывать.

В детстве он мечтал вырасти, стать сильным и отомстить страшному волку за свои ночные страхи. Ковалеву стало смешно: а ведь он жалеет, что волка в углу не оказалось... Это место, похоже, нарочно сводит его с ума.

* * *

На следующее утро ветер стих, на небе высыпали звезды, а лужи покрылись сухой ломкой коркой льда; грязь хрумкала под ногами, с непривычки мерзли уши и руки.

Ковалев снова боялся опоздать и по мосту шел быстро, подсвечивая дорогу фонариком. А в самом его конце, над берегом, поскользнулся и едва не упал, но единственной потерей оказался фонарик, выпавший из рук и провалившийся между шпал – внизу мелькнул огонек и погас. Фонарика было жалко, и Ковалев решил, что вернется поискать его после

завтрака, когда рассветет.

За завтраком во время чтения молитвы Селиванов демонстративно глотал манную кашу, и Аня всю старалась за ним поспеть. Ковалев подумал и к ним присоединился – пусть лучше это выглядит невежливо, но нельзя не поддерживать Селиванова и его протест, из каких бы хулиганских побуждений он ни шел.

Зоя Романовна смотрела на Селиванова как будто бы равнодушно, но Ковалев почему-то выражению ее лица не верил.

А та, садясь за стол, поглядела на Ковалева в упор и сказала:

– Вы дурно воспитаны, молодой человек.

Он не стал возражать, хотя и углядел в этом камушек в огород бабушки и деда, которые много сил и времени потратили на его хорошие манеры.

Зоя Романовна придвинула к себе тарелку и, не дождавшись возражений, продолжила:

– В любом другом месте это ваше личное дело, но здесь на вас смотрят дети. Будьте добры в следующий раз приступать к еде вместе со всеми.

Вспомнить разницу между принуждением и добровольным подчинением оказалось нетрудно, но Ковалеву пришлось убеждать себя в том, что ему скоро тридцать лет, а не десять, что он майор ВВС, а не нашкодивший пацан, и что

подчиниться – это подставить под удар Селиванова.

– Я не дам вам повода давить на мальчика, который научил мою дочь есть молочный суп и манную кашу. – Ковалев кашлянул.

Зоя Романовна на секунду опешила от его ответа, рука с ложкой замерла на полпути ко рту – она явно не привыкла к неповиновению. Выдержать ее взгляд было нелегко.

– Не забывайте: вам сделали одолжение, разрешив находиться на территории детского учреждения, – быстро и тихо сказала она.

За стол, оглядываясь на детей, уселась Тамара Юрьевна.

– Зоя Романовна, сегодня утром в спальне младшей группы нянечка застала Селиванова... – сказала она с нескрываемым торжеством.

Ковалев едва не поперхнулся, а воспитательница продолжала:

– Он там ночевал, потому что якобы его брату было страшно ночью. Но другие мальчики признались, что вечером он рассказывал маленьким страшные истории! Ничего удивительного, что ночами им плохо спится!

Ковалев выдохнул: он не сразу сообразил, что у младшей группы две спальни. А Зоя Романовна не удивилась.

– Я поговорю с обоими.

Девушка-психолог опустила ложку и посмотрела на Зою Романовну:

– Вам не кажется, что ночные страхи детей в компетенции

штатного психолога?

Надо же, Ковалев опять забыл узнать ее имя!

– Нет, не кажется, – ответила та. – Занимайтесь адаптационными и развивающими программами, этого достаточно.

– Я так и поступлю, – с деланной улыбкой и нарочито официально ответила девушка. – Но замечу, что последние исследования в этой области говорят о благотворном влиянии страшных историй на душевное состояние детей: освобождают от ежедневного стресса, снимают напряжение.

– Прекрасно, – кивнула Зоя. – Но не забывайте, что всякая история должна соответствовать возрасту ребенка. То, что пятнадцатилетнему оболтусу кажется забавным, для дошкольника станет непреодолимым ужасом. Не стоит доверять Селиванову освобождение детей младшей группы от стрессов.

– Девочкам из его группы вы это доверяете, – заметила девушка-психолог и негромко добавила: – К тому же истории, которые пугают старших ребят, обычно не тревожат младших. У маленьких просто не хватает жизненного опыта, чтобы примерить взрослые истории на себя.

Зоя ничего не ответила, лишь подарила девушке многозначительный взгляд, говоривший, что разговор был окончен еще на адаптационных программах.

Однако Тамара Юрьевна не унималась:

– Селиванов нарочно запугивает младшего братишку, а потом заявляет, что тому страшно по ночам!

– Тамара Юрьевна, вы же педагог. – Девушка-психолог изобразила на лице презрительную гримаску. – Витя Селиванов остро нуждается в доказательствах того, что он кому-то нужен, и роль защитника младшего брата – не самый худший способ, который он мог для этого избрать.

И снова, как накануне, после завтрака девушка-психолог осталась за столом.

– А здорово вы с Зоей... – с блуждающей улыбкой в пространство сказала она. – С тех пор как Надежда Андреевна умерла, вы первый...

– Первый что? – переспросил Ковалев, чтобы не оставлять недоговоренности.

– Ну... смогли ее осадить. Больше никто не может.

– Даже главврач? – удивился Ковалев.

– А ей-то зачем? Они же подружки. Батюшка, который здесь служит молебны, – брат Татьяны. Он на Зое жениться собирался, но она попадьею стать не захотела. – Девушка усмехнулась, если этот медленный и легкий изгиб губ можно было назвать усмешкой. – И пришлось ему податься в чернецы.

Вот как... Главврач – сестра священника... Неудивительно, что здесь разводят монастырские порядки.

– Скажите, – решился спросить Ковалев, – а Надежда Андреевна тоже была верующей?

– Да что вы... – Девушка мягко и плавно махнула рукой. –

При Надежде Андреевне тут такого не было, она бы не позволила. А потом и началось: молельная комната, батюшка по четвергам... Знаете, вы на нее похожи чем-то. Она тоже всегда ломала Зоины манипуляции в корне. Я хоть и психолог, и то не всегда вижу, как Зоя это делает. Зоя из тех, кто ведет, – слово «ведьма» происходит от слова «ведать».

– Мне показалось или она все же христианка?

– Да, христианка. Более всего меня поражает именно это: ведать – и все равно служить этому злему, ревнивому богу... Не сомневаюсь, что она, в отличие от большинства духовных пастырей, в самом деле знает, чего хочет ее бог. Она слышит его, и он ее слышит, понимаете?

– Нет, не понимаю.

– Вы что, действительно совсем-совсем атеист? – Девушка наклонила голову набок и посмотрела на Ковалева снисходительно, с легкой улыбкой.

– А вы?

– А я? А я вижу и знаю, что происходит. Обратите внимание: я не верю, а вижу и знаю. Здесь жил еще один человек, который видел и знал, но теперь он... Кстати, вы и его напоминаете, вот я и подумала, что вы тоже можете видеть.

Умом Ковалев понимал, какую чушь несет эта необычная девушка, но, глядя в ее глаза с поволокой, почему-то не мог над нею посмеяться. Не верил ей, нет – как не веришь в сказку, но все равно слушаешь, все равно погружаешься в нее с головой, примеряешь на себя чужие переживания и подви-

ги. А может, все дело было в ее завораживающей притягательности, в странной красоте, мягкости... Она обволакивала, окутывала, успокаивала – как сильный транквилизатор.

– И что же здесь происходит? – спросил он скорее из вежливости.

– Не только здесь. Вы заметили, как церковь рвется к детям? Непременно к детям?

– Дети воспринимают проповедь без критики, – пожал плечами Ковалев. – Когда-нибудь они станут взрослыми и платежеспособными.

– Взрослыми они станут не скоро. Церковь, конечно, прибыльное предприятие, но Бог – это не церковь.

Ковалев кашлянул и постарался, чтобы его усмешка выглядела снисходительной, а не презрительной.

– Может, подскажите, что мне ответить ребенку на вопрос: «Почему мы не верим в Бога?» Как детский психолог...

– На этот вопрос нет ответа, потому что ни доказать, ни опровергнуть существование Бога невозможно. Многие пробовали... А впрочем... Я соврала, один ответ я нашла: «Потому что Бога нет». Согласитесь, неубедительно.

– Моя жена сказала: «Потому что в Бога верят только придурки»... – усмехнулся Ковалев.

– В таком случае, не верят в Бога тоже только... люди недалекие. Ведь и опровергнуть существование Бога невозможно. Но одно дело верить, и другое – служить. Тут я согласна с вашей женой: поклоняются Богу только придурки. –

Девушка назидательно улыбнулась. – У меня нет сомнений в существовании этого бога, но служить ему?..

– Вы... сатанистка? – догадался Ковалев.

Она воззрилась на него безо всякой поволоки на глазах и привычной отрешенности:

– Чего?

А потом рассмеялась – легко и томно.

– Нет, я не сатанистка. Дьявол – это продолжение Бога, если хотите – его аватара. Ипостась. И служить Дьяволу все равно, что служить Богу.

– Думаю, за эти слова православные порвут вас на куски. Это оскорбление чувств верующих, – улыбнулся Ковалев. Ну и пусть она городит ерунду – это придает ей прелести, загадочности и шарма.

– Если бы вместо чувств верующие имели мысли, оскорбить их было бы гораздо трудней. Разве можно оскорбить мысль? А оскорблением они называют всякий аргумент, на который у них нет контраргумента.

– И вы не боитесь, что вас выживут из этого санатория? С такими взглядами на религию?

– Меня нельзя выжить отсюда, мой отец глава местной администрации, я могу себе это позволить. – Глаза ее снова застлала поволока, а с губ исчезла улыбка.

На выходе из столовой Ковалева поймал инструктор Саша: после процедур и прогулки у Ани намечался «спортив-

ный час», и тот предложил Ковалеву принять в этом участие – детям полагалось полчаса «воды».

– Поучишь дочку плавать, когда еще такая возможность будет?.. – улыбнулся Саша.

– Она умеет. Давно, – ответил Ковалев. – Но могу помочь, если надо.

– Я с маленькими не люблю возиться, – признался Саша. – Тем более с девчонками. Пищат, плачут, воды боятся.

Проводив Аню до медицинского отделения, Ковалев, как и собирался, направился к реке за фонариком – и по дороге размышлял об абонементе в бассейн. Наверное, это могло бы быть не таким тошнотворным, если ходить туда семьей. Польза для ребенка – хорошее оправдание.

Солнце еще не вышло из-за леса, но день обещал быть ясным и холодным. И Ковалев заметил, что торопится, словно на свидание с девушкой... Выходя из леса, он снова встретил вчерашнего мужика в мокром ватнике, который теперь поздоровался с Ковалевым как со старым товарищем.

И только когда незнакомец скрылся за деревьями, Ковалев подумал, что сегодня мокрый ватник выглядит более странно, чем вчера. Ведь, право, не может же человек падать в лужи ежедневно...

Чтобы выбраться под мост, пришлось перейти через развалины старой кирпичной постройки. Вряд ли это был жилой дом – ветхий, но все еще крепкий фундамент повторял рельеф крутого берега, и Ковалев решил, что постройка бы-

ла как-то связана с рекой.

Фонарик нашелся быстро – валялся под мостом. И даже работал. Чтобы избавиться от глупых мыслей о купании, Ковалев потрогал воду и подержал в ней руку, пока не заломило кости, – ничего приятного в ледяной воде он не нашел, но от глупых мыслей не избавился. И, постояв на берегу, направился обратно в санаторий – сегодня ему хватило ума взять с собой планшет, чтобы не слоняться по холлу без дела.

Вскоре младшая группа вышла на прогулку, Ковалев издали посмотрел на дыхательные упражнения, а когда детей отпустили играть, Аня, не оглядываясь на воспитательницу, тут же кинулась к нему.

Ковалев проявил благоразумие и подошел к недовольной Тамаре Юрьевне. Она, конечно, позволила им погулять по парку, но с таким лицом, что у Ковалева пропало желание о чем-нибудь ее когда-нибудь просить.

Парк, просвеченный солнцем, уже не казался таким мрачным и готичным, как накануне, и Ковалев подумал, что летом тут наверняка красиво и уютно – тенистые аллеи, посыпанные гранитной крошкой, детские площадки, зеленая трава на газонах... Ему вдруг захотелось лета и тепла.

– Пап, давай скорей позвоним маме! – сказала Аня, узнав, что та собирается приехать на выходные.

Ковалев не возражал. Аня быстро перехватила у него трубку.

– Мам, когда ты к нам поедешь, обязательно привези папе

шапку и шарф. Тут очень холодно, не то что в городе, а он все время ходит без шапки.

Еще она рассказала о манной каше на завтрак, которую они с папой и еще одним взрослым мальчиком съели быстрее всех, что завтра будет не Тамара Юрьевна, а Юлия Михайловна, и девочки говорят, что Юлия Михайловна лучше; что вечером их укладывали спать взрослые девочки, Лена и Каролина, и рассказывали историю про Бледную деву. Ковалев вполуха слушал ее щебет, а тут почему-то напрягся: Бледная дева – это утонувшая дачница, которая из-за несчастной любви бросилась в речку с железнодорожного моста вместе с ребеночком; ребеночка спасли, и с тех пор она его ищет, заманивает детей из санатория в речку и смотрит, не ее ли это сынок. И если нет, ребенка на дно утаскивает сом.

– И в народе говорят, что ее сынок должен вот-вот сюда опять приехать, – звонко говорила Аня в трубку. – Он двадцать лет сюда не приезжал, а теперь решил все-таки приехать. Бледная дева это прознала и по ночам к нам под окна приходит, ждет своего сынка, потому что тут детей много. И я сама ее почти что видела в окно, было очень-очень страшно.

Это «очень-очень страшно» Аня произнесла с таким восторгом, что Ковалев простил Лене и Каролине выбор сказки на ночь.

– Ну, если ее сынок двадцать лет не приезжал, то он ведь уже не маленький, а взрослый совсем, что же ему делать в

санатории, где дети? – резонно возразила Влада.

Аня не долго думала над ответом.

– Так Бледная дева же об этом не знает! У нее там в речке время совсем не как у нас идет.

Влада и Аня поспорили еще немного о Бледной деве. А Ковалев подумал вдруг: не двадцать лет. Двадцать шесть.

Значит, бросилась с моста вместе с ребенком? Наверное, что-то подобное он и предполагал, чувствовал в глубине души, потому что не удивился и не расстроился. Скорей всего, бабушка с дедом скрывали от него именно эту правду, боялись, что она травмирует детскую незрелую психику... Напрасно. А может, им в самом деле было больно вспоминать о смерти единственной дочери?

Впрочем, с чего он решил, что речь идет именно о его матери? Быть героем местных легенд и детских страшилок ему не очень хотелось, но любопытные взгляды соседей это хорошо объясняло.

Они с Аней обошли весь парк по кругу – мозолить глаза воспитательнице Ковалев не хотел и собирался повернуть назад, как вдруг за углом спортивного корпуса увидел дядьку в мокром ватнике. Он сидел на корточках перед маленьким веснушчатым мальчиком, взяв того за плечи, и что-то ему говорил. Мальчик грустно кивал. Ковалев осмотрелся: с детских площадок никто не видел этой сцены, из главного корпуса тоже, словно человек нарочно выбрал это место, словно прятался...

Мысли о Бледной деве вылетели из головы.

– Это из вашей группы мальчик? – спросил Ковалев Аню.

– Да, его зовут Павлик, а фамилию я еще не выучила. Он из интерната.

Ковалев направился к спортивному корпусу, но мальчишка вдруг кивнул в его сторону, незнакомец оглянулся, быстро поднялся и поспешил прочь.

– А этого мужи... дяденьку ты не знаешь?

– Нет, пап. Я же не всех еще тут знаю.

Он хотел подойти к мальчишке, но тот сорвался с места и, показав Ковалеву язык, рванул в сторону детской площадки.

– Никогда не разговаривай с незнакомыми людьми... – на всякий случай сказал Ковалев Ане и подумал, что об этом надо обязательно рассказать воспитательнице. Может, конечно, у незнакомца и нет дурных намерений, но... как-то это странно...

Говорить с Тамарой Юрьевной не хотелось. Тем более что она стояла в сторонке от детей, в компании двух других воспитателей. А вдруг этого дядьку здесь все знают и в произошедшем нет ничего странного и тем более страшного? Здравый смысл взял верх: Ковалев, решительно кашлянув, подошел к Тамаре Юрьевне и, не обращая внимания на ее недовольный взгляд, рассказал о странном человеке, говорившем с мальчиком по имени Павлик.

– Да вы что... – испуганно воззрилась на него воспитательница. – Да вы выдумываете, я же смотрю за детьми, я

что, по-вашему, не заметила, что ребенка нет на площадке?

– Ну, детей же много, а вы одна... – Ковалев постарался не усмехнуться – за разговором все три воспитательницы приглядывали за детьми вполглаза.

– Подождите, может, это кто-то из сотрудников? Это не Саша, случайно? – переспросила другая.

– Нет, Сашу я знаю. Тот человек старше.

– А кто у нас в котельной сегодня? Рашид?

Вряд ли незнакомца звали Рашидом, скорей Лёшей или Петей.

– А может, Владимир Петрович? Но он в пальто ходит...

– Надо обязательно рассказать Зое Романовне.

Меньше всего Ковалев хотел говорить с Зоей Романовной – лучше бы он рассказал об этом главврачу. Но одна из воспитательниц решительно направилась к корпусу, предлагая Ковалеву следовать за ней.

Зоя Романовна не удивилась и не испугалась. Подробно расспросила Ковалева о приметах незнакомца и кивала так, будто поняла, о ком идет речь. Вежливо и холодно поблагодарила. А когда Ковалев вышел из ее кабинета, тоже появилась в холле – младшая группа как раз возвращалась с прогулки.

– Так, Павлик Лазаренко, подойди ко мне! – раздался за спиной ее необычайно громкий голос.

Веснушчатый мальчишка взглянул на Ковалева с ненавистью и направился к Зое Романовне, упрямо сжав губы.

На все вопросы старшей воспитательницы он лишь мотал головой, будто вовсе не умел говорить, хотя, надо отдать ей должное, она была внимательна, добра к ребенку и знала, как и о чем спрашивать.

– Беги, догоняй группу, – в конце концов сказала Зоя Романовна и, повернувшись к своему кабинету, подарила Ковалеву красноречивый и торжествующий взгляд.

Весть о появлении незнакомца в ватнике через десять минут была известна всему санаторию – Ковалев сидел в холле с планшетом в руках, а за его спиной две немолодых медсестры и уборщица свистящим шепотом обсуждали это событие.

– Нет, ты подумай! Что мужику от ребенка нужно, а?

– Прямо в санаторий явился...

– Маньяков теперь везде полно, у нас еще все на виду, а в городе как люди живут, а?

– А я думаю, это не маньяк.

– А кто, интересно?

– Еще хуже... – Упавший голос прозвучал пугающе глухо. – Это Федька-спасатель.

– Да ну... – неуверенно раздалось в ответ.

– А может, и Федька... – Это было сказано совсем тихо. – Потому Зоя и перепугалась.

– Мало ему было утопших дачников – ребеночек ему понадобился...

– Да ну вас, ерунду болтаете.

– Федька всегда с нечистой силой знался, это и Зоя говорила. Кто на него не так посмотрит – он того водяному и отдаст.

– А мне вот рассказывали, как Федька однажды с дачником у магазина поцапался, а ночью мужики нажрались и в воду полезли. И тот, что с Федькой ругался, тонуть начал. Так Федька смотрел с берега и ухмылялся, как тот тонет, и пальцем не шевельнул. И ведь никто не утонул, только этот, потому что Федька...

– Как вам не стыдно, – перебил обсуждение звонкий голос девушки-психолога – Ковалев не видел, откуда она появилась. – Дядя Федя – честнейший человек! Он всю жизнь пьяных дураков из воды вытаскивал! И детишек сколько спас! А вы такое про него говорите!

Она не остановилась, походя бросила эти слова кумушкам и прошла через холл своей дорогой – даже Ковалева, скорей всего, не заметила. Но кумушки замолчали, а одна из них испуганно охнула. Уборщица тут же принялась возить шваброй по полу, а сестры убрались в медицинское отделение, за стеклянную дверь. И мелькнуло в голове: как по волшебству...

Учитывая размер бассейна, детей делили на две группы: сначала, после недолгих упражнений, купались девочки, и только потом мальчики.

Аня оказалась единственной девочкой в группе, умевшей

плавать, остальных инструктор Саша учил держаться на воде – и Ковалев ему немного помогал. Аня же с радостью прыгала с единственной тумбочки на глубину, и он укрепился в мысли о семейном абонементе в бассейн.

Саша попросил остаться и на занятие с мальчишками, и оно прошло гораздо веселей: те не боялись глубины, лягушатами скакали из воды и в воду, брызгались, орали и бросались пенопластовыми досками. Инструктор Саша не пытался их усмирить, разве что отобрал доски. Плавать не умели двое, и одним из них оказался Павлик Лазаренко – его-то Ковалев и взялся учить держаться на воде. Пацан поначалу смотрел на Ковалева волчонком, вырывал руки и обиженно пятился, но потом расслабился, а когда Ковалев раза два подбросил его над водой, и вовсе хохотал и визжал от восторга. Собственно, занятие закончилось на том, что Ковалев и инструктор Саша подкидывали мальчишек как можно выше, и те с радостными воплями падали вниз «бомбочками», расплескивая бассейн.

Ковалев собирался спросить у Павлика, почему тот не захотел говорить о незнакомце Зое Романовне, но не стал омрачать радость ребенка, полного новых впечатлений.

Как только Ковалев вышел в холл, так сразу столкнулся с Тамарой Юрьевной, которая и сообщила, что Зоя Романовна просит его зайти. И сказала она это таким тоном, будто Ковалев был школьником, которого вызвали к директору с родителями. Ничего хорошего он от Зои Романовны не ожи-

дал, тем более тет-а-тет, – словно в самом деле в чем-то провинился, да еще и боялся за это ответить.

Ковалев постучал в дверь не сразу, прогоняя навязчивую робость перед старшей воспитательницей.

Он был уверен, что она заговорит о незнакомце в мокром ватнике. Или возмутится его присутствием на «спортивном часе» – в самом деле, нечего чужому человеку лезть к детям и беззастенчиво пользоваться бассейном, когда заплатил он только за питание (хотя медицинские справки Ковалев собрал честно). Но Зоя Романовна заговорила о другом:

– Завтра утром к нам приезжает батюшка. Он приезжает каждый четверг, служит молебен, исповедует и причащает детей и сотрудников. Может быть, я ошибаюсь и вы хотите, чтобы ваша дочь приняла в этом участие?

Она сидела за столом и не предложила Ковалеву сесть.

– Нет, вы не ошибаетесь. – Ковалева перекосило от одной мысли, что детям станут давать кагор, да еще и одной на всех ложкой, – он считал это антисанитарным. Ему и в страшном сне не могло присниться, что такое возможно в лечебном учреждении.

– Тогда завтра после процедур вы можете забрать дочь и погулять с ней до обеда.

– То есть дети будут слушать молебен вместо прогулки? – не удержался Ковалев.

– Многим детям это полезней прогулки. А ваша дочь ничего не потеряет. – Зоя Романовна смотрела хоть и снизу, но

все равно свысока, – и Ковалев вдруг почувствовал что-то унижительное в том, что он стоит, а она сидит.

– Селиванов тоже пойдет гулять?

Она не переменила ни выражения лица, ни направления взгляда, но в глазах ее появилось что-то злое, и Ковалев вспомнил: слово «ведьма» происходит от «ведать».

– Селиванов будет вместе со всеми детьми, как и положено внутренним распорядком санатория. Это для вас и вашей дочери мы делаем исключение.

– Потому что у Селиванова нет родителей и никто не может пожаловаться на то, что его принуждают... присутствовать на молебне?

– У Селиванова есть мать, а воспитатели в установленном законом порядке принимают за него решения. Его принуждают не только присутствовать на молебне, но также учиться в школе и чистить зубы по утрам. Надеюсь, против этого принуждения вы не возражаете.

Она говорила бесстрастно, чеканя слова, и Ковалев все больше и больше терялся под ее взглядом, все сильнее ощущал свою несуществующую вину.

– Так что, вы заберете дочь завтра до обеда?

– Да, конечно, – ответил Ковалев и понял, как сильно хочет уйти. И не может – без ее разрешения. Привычное «разрешите идти» в эту минуту казалось рубиконом: от принуждения к добровольному подчинению.

И она произнесла это унижительное «можете идти» – от

чего все внутри вскипело. Он не спрашивал разрешения! Он не на ковре у начальства! Он не зависит от этой женщины и не подчиняется ей!

За столом обсуждали предстоящий молебен и появление незнакомца в ватнике. Разговоры о незнакомце Зое Романовне не нравились, судя по тому, как она складывала губы, но в ее сторону никто, кроме Ковалева, не смотрел.

А когда дети отправились в группы, девушка-психолог неожиданно спросила:

– Вы не хотите прогуляться?

Ковалев собирался немного почитать в теплом холле, да и прогулка вдвоем наверняка послужила бы поводом для лишних пересудов...

Он никогда не заводил романов на стороне, считая это не столько непорядочным, сколько хлопотным и ненужным. Что говорить, он нравился женщинам, но попытки повеситься ему на шею вызывали у него тошноту.

Влада когда-то и купила Ковалева тем, что держала на расстоянии. Он не очень-то стремился ее «завоевать» – не любил игр в поддавки, – но она ему этого и не предлагала. Они познакомились на вечеринке в университетском общении, куда курсанты бегали из-за близости к академии и обилия одиноких девушек, готовых не только приласкать, но и подкормить. Ковалев тогда доживал в спорте последние дни, понимал это, но еще не принимал, был вымотан бес-

смысленными тренировками и непроходящей болью, – его напоили с удивительной для него легкостью. Влада смеялась и дразнила его, но не обидно, а по-доброму, так что самому хотелось смеяться над собой, – они сидели через угол стола.

– Ты еще закури... – покачала она головой, когда Ковалев гордо опрокинул в себя стопку водки, намереваясь не закусывать. Получилось плохо – водку Ковалев пить не умел.

– А почему бы мне не закурить? – спросил он с вызовом.

– Давай. Я посмотрю, что получится. – Она сделала жалостное лицо.

Ковалев потребовал сигарету и отправился на балкон, хотя все курили за столом. Влада вышла вслед за ним и остановилась, подпирая стенку.

– Давай, закуривай, – подначила она. В ту минуту Ковалеву казалось, что он навсегда ставит на себе крест.

Он затянулся, прикуривая, закашлялся, конечно, – как пятиклассник. Не много требовалось силы воли, чтобы повторить затыг, и он повторил, не найдя в этом ничего приятного, – затошнило только еще сильнее.

– А с балкона прыгнешь? – спросила Влада, все так же стоя у стены.

– Чего? – не понял Ковалев.

– Ну вот скажу я сейчас, что тебе слабо прыгнуть с балкона. Спрыгнешь?

Он не сразу догадался, всерьез она говорит или шутит, потому что был пьян. И даже посмотрел вниз – пятый этаж

тогда не показался ему слишком высоким. Злая мысль, что это будет разрешением всех проблем, мелькнула в голове. Он затаился еще раз, выбросил сигарету и подошел к перилам вплотную.

— Сбрендил? — спросила Влада тихо. — Ты не только шуток, ты и намеков не понимаешь?

Ковалев никогда не понимал намеков, они ставили его в тупик и раздражали.

— Тогда прямо скажу: отойди от перил. Не кури и не пей больше водки.

Роман их начался только через три месяца, в начале лета, на каникулах, — и если бы не он, Ковалев не знал бы, чем себя занять, это было его первое свободное лето.

Приглашение девушки-психолога не выглядело навязчивым и мало походило на предложение изменить жене, однако Ковалев про себя отметил, что ему будет приятно пройтись с ней по парку, несмотря на странные ее речи — именно странные, а не смешные. Она не казалась глупой, напротив...

Ковалев нарочно оделся побыстрей, чтобы встретить ее возле кабинета и прочесть наконец табличку на дверях, — ее звали Инной. Она не ожидала увидеть Ковалева возле своей двери: удивилась, растерялась, посмотрела на него с испугом даже. Может, решила, что он вздумал за ней ухаживать?

И гулять они направились вовсе не в парк, а за территорию, в сторону реки. Инна медленно шла в двух шагах впереди, не оглядывалась и молчала, пока Ковалев сам не начал

разговор.

– Скажите, вы всерьез считаете, что детям полезны страшные истории? – спросил он, вспоминая разговор за завтраком и историю о Бледной деве.

Она резко остановилась и оглянулась.

– Не всегда и не всем. Но большинство детей испытывает в них потребность – дети, собираясь вместе, во все времена рассказывают их друг другу, довольно вспомнить «Бежин луг». Это помогает им изживать настоящие, невыдуманные страхи. Не вижу смысла с этим бороться.

– Моей дочери вчера рассказали историю о Бледной деве.

– Вы... понимаете, что дети не хотели задеть этим лично вас? – обеспокоенно спросила Инна.

Ковалев усмехнулся: значит, это действительно история его матери.

– Можете не беспокоиться, меня это не задевает. Но я думал, это что-то вроде истории о Черном Вожатом... Ну, когда воспитатели сами придумывают страшилки.

– Не без того. Этим старым дурам бессмысленно говорить, что такие истории не пугают детей, а, наоборот, подстрекают бегать за территорию по ночам. – Инна снова двинулась вперед. – Еще они всячески поддерживают слухи о пропаже детей.

– Не оригинально. Бука во все времена забирал непослушных детей.

– Теперь все изменилось. Бука забирает не непослушных,

а некрещеных детей. Во всяком случае у нас. Впрочем, я не об этом хотела говорить. — Инна снова остановилась и повернулась к Ковалеву лицом. И смотрела так, будто оценивала, примеривалась.

— А о чем?

— У вашей дочери, насколько я поняла, мало опыта общения со сверстниками?

— Увы.

— К счастью, завтра в младшей группе будет Юлия Михайловна, она, в отличие от Тамары Юрьевны, у Зои на поводу не пойдет... Мне показалось, что Тамара настраивает девочек против Ани.

— Зачем ей это нужно?

— Зоя хочет, чтобы вы уехали, — продолжила Инна. — Ваш воинствующий атеизм для нее кость в горле. Я не могу понять только одного: почему она сразу не предположила, что вы неверующий? Обычно это семейное... А она... знаете, она ждала вашего приезда. Как будто связывала с ним какие-то надежды... И, похоже, вы их не оправдали.

Неужели Зоя так хотела взглянуть на «сынка» Бледной девы?

— Почему бы ей просто не запретить мне появляться в санатории?

— Ей этого мало. Теперь.

Ковалев вздохнул, справляясь с раздражением: недоговоренность выводила его из себя. Если бы вдруг такая девушка

попалась ему в жены, он бы через неделю ее убил...

– Что значит «теперь»?

– Чтобы ни у кого даже мысли не возникло, что она выживает вас потому, что вы с ней спорите. Если Ане будет плохо здесь, вы или уедете, или будете приводить ее лишь на процедуры с утра. Я права?

– Если бы у нас родился парень... – начал Ковалев.

– У вас родился не парень, – перебила Инна. – Вы боитесь нового приступа астмы, а потому будете оберегать дочь от стрессов. Не бойтесь, здесь у Ани приступа не случится.

– Вы уверены?

– Да.

Ковалев только усмехнулся.

– Вполне возможно, что историю про Бледную деву девочки вчера тоже рассказали не просто так, – продолжала Инна. – Ночные страхи могут стать причиной приступа. Но ваша дочь из тех, кому нравятся страшные истории.

– Вы это серьезно? Взрослые женщины, педагоги, которым доверили детей, православные в конце концов, объединяются для того, чтобы запугать маленькую девочку? Не слишком ли?

– Я не утверждаю, что они для этого объединились. Тамара – эдакий идеальный лизоблюд, угадывает желания начальства по выражению лица, без слов. К тому же она искренне ненавидит детей. К счастью, она не очень умна и, в отличие от Зои, ее манипуляции часто вызывают обратный

эффект. Пойдемте. Холодно стоять...

Ковалев пожал плечами и пошел вслед за Инной. К реке.

– Я очень хочу его увидеть... – пояснила она, не оглядываясь.

– Кого?

– Того человека в мокром ватнике, которого видели вы. Проверить хочу.

Ковалеву было слегка не до него, но чем ближе была река, тем меньше он думал о происках воспитателей и больше – о темной холодной воде.

– Что проверить?

– Одну догадку. Вы знаете, что по народным поверьям доподлинный признак водяного – капающая с левой полы одежды вода? – Инна оглянулась лишь на миг, но Ковалеву показалось, что она смеется.

Вот только водяного и не хватало...

– Не верьте, – коротко бросила она через плечо.

– Даже не думал, – хмыкнул Ковалев.

– Антропоморфизм... Но это не значит, что река не порождает смертельно опасные для нас сущности. Вас в детстве водяной не хватал за ноги? – Инна оглянулась с улыбкой.

– Нет, – на голубом глазу ответил Ковалев.

– А меня хватал. Знаете, такая холодная и скользкая рука берет за щиколотку и тянет на дно.

– Это видения от кислородного голодания.

– Значит, и вас хватал... – Она рассмеялась.

– С чего вы взяли?

– А кто-нибудь умный, например врач, сказал, что это от кислородного голодания. Не сами же вы это придумали.

– Аня сказала, что здесь детей на дно утаскивает сом, а не водяной, – усмехнулся Ковалев, вспомнив байку о Бледной деве.

– Он не только утаскивает детей на дно. – Инна оглянулась через плечо, и лицо ее стало встревоженным.

– Что, в самом деле? – едва не рассмеялся Ковалев. – Вы это серьезно?

– Нападение сомов на детей – научно подтвержденный факт, в этом нет ничего смешного. А как он глотает уток, это все в Заречном видели, – фыркнула она. – Можете спросить тетю Свету Пятакову, ее кусал сом – она больше месяца ногу лечила.

У Ковалева не пропадало ощущение, что Инна дурит ему голову.

– Что ж не откусил ногу-то?

– У сома нет зубов, у него щетки. Ну, очень мелкие зубы в несколько рядов – как терка. Кусаться и глотать уток нормально для любого большого сома.

– А, есть еще и что-то ненормальное? – продолжал насмехаться Ковалев.

– Ненормально уже то, что такой огромный сом живет в наших широтах. – Инна снова остановилась и повернулась к

нему лицом. – А вы разве не слышите, как он вас зовет?

– Нет, не слышу.

– А верующие... они правы. – Инна снова пошла вперед.

– Да ну?

– При помощи Бога нетрудно справиться со смертельно опасными сущностями. Пастухи всегда защищают свое стадо, иначе какие же они пастухи.

– Вы это... серьезно? – кашлянул Ковалев.

– Вполне. Молитва верующего разгоняет мнимые страхи, так же как лечит болезни. Плацебо – тоже лекарство, иногда очень эффективное. Это психология, никакой мистики... Вера и надежда на Бога помогают тонущему пловцу добраться до берега, а упавшему с высоты – приземлиться с наименьшими потерями.

– Может, вера и нераскрывшиеся парашюты открывает? – хмыкнул Ковалев.

– Нет. Это даже Богу не под силу. Если наступить на грабли, они ударят в лоб, от этого не спасет никакая вера. Но в мире над реальностью... Этот бог – он в самом деле силен. И крестное знамение действительно защитит от того, что принято называть нечистой силой.

Меж деревьев показалась река, и сердце у Ковалева снова забилося так, будто он встретил любимую девушку.

– Хотите убедиться? – Инна оглянулась. – Если вы сейчас перекреститесь, вам уже не захочется прыгнуть в воду.

Ковалев смутился – еще не хватало прослыть сумасшед-

ШИМ...

– С чего вы взяли, что я хочу прыгнуть в воду? – пробормotal он себе под нос.

– Я слышу, как река вас зовет. Попробуйте, перекреститесь...

– Вы религию пропагандируете?

– Отнюдь. Я вас проверяю: если вы поверите в силу крестного знамения, кинетесь ли вы поклоняться этому ревнивому и мелочному божеству или останетесь верны себе?

Ковалев посмотрел бы на нее со значением, но Инна шла к нему спиной.

– А если я все же переплыву реку, она удовлетворится?

– Ух ты... – Она обернулась. – Наверное, не кинетесь. Найдете себе оправдания, спишете все на совпадения... Я думаю, что атеизм есть порождение не ума, а характера. Ведь чувства неверующих задеть так же легко, как и чувства верующих.

– Сомневаюсь.

– Вспомните, как вы вскочили с места, когда Зоя хотела научить Аню креститься. А если вы вздумаете переплыть реку, вы утонете. Безо всякой мистики.

– Я мастер спорта... – зачем-то сказал Ковалев, желая вместо этого объяснить, почему вскочил с места, – вовсе не потому, что кто-то задел его «чувства неверующего».

– Тем более. – Инна пожала плечами. – К спортсменам ледяная вода особенно безжалостна.

– Сом не любит спортсменов?

– Нет, здоровый организм спортсмена сопротивляется переохлаждению и усиливает кровоснабжение внутренних органов. Руки и ноги немеют. А еще в холодной воде нельзя мочить голову, а вы, небось, по-собачьи плавать не умеете.

Она помолчала и продолжила, оглянувшись.

– Как интересно... В мифах переплыть реку означает перейти в иной мир. Стикс, река Смородина... Но в вашем случае это приобретает самый что ни на есть прямой смысл. Впрочем, заручитесь божьей помощью, и река вас не потревожит. Она тут зовет многих, но никогда – верующих.

– Может, верующие вообще не тонут?

– Тонут, конечно. Но реже, чем неверующие. Здесь раньше жил один человек... Он видел реку насквозь. Он... противостоял темной сущности реки.

– С божьей помощью? – усмехнулся Ковалев.

– Без. Верующие не принимают дуализма реки, им все едино – и светлая ее ипостась, и темная... Нет, дядя Федя любил реку, знал ее, понимал. Он говорил, что реке необходимы жертвоприношения, и если жертву не дать, она возьмет сама – все реки берут себе жертвы.

– Он что, приносил ей жертвы?

– Нет. Хотя все вокруг думали именно так. Нет, он следил за тем, чтобы река брала их как можно меньше. Он любил ее и воевал с ней.

– А потом?

– А потом он стал ее частью. Когда я увидела вас в первый раз, мне показалось... что вы прибыли ему на смену.

– К сожалению, – едко ответил Ковалев, – я не вижу реку насквозь, не знаю ее и не понимаю. И прибыл я сюда лечить дочь, а не бороться с темными силами.

– Темных сил как таковых не существует. И вообще: спор христиан и атеистов бесплоден, его невозможно разрешить, потому атеистов христиане не боятся, позиция верующего для неверующего неуязвима. Они боятся таких, как я, гораздо больше. Тех, кто знает, что их бог силен, но не всемогущ. Что не он создал этот мир и что он не хозяин этого мира.

– Если они вас так боятся, почему же вы не возражаете Зое? Почему не высказываете вслух свою точку зрения? Ведь уволить вас нельзя.

– Зоя и без моих высказываний знает, кто я. И мое мнение знает. Но мне жить здесь, и я не хочу прослыть воровкой или извращенкой. Между нами что-то вроде холодной войны: у меня есть оружие против нее, а у нее – против меня, но применять его для обеих опасно. У вас против нее оружия нет, ваша позиция атеиста невыигрышна, и зависите вы от Зои, и оружие против вас она уже нашла и применила.

Аня радостно хрустела льдом на лужах, топая по ним резиновыми сапожками.

– Пап, а почему на лужах лед, а на речке – нет?

– Лужи маленькие, а речка большая. И течение там силь-

ное.

– А на ней никогда льда нет?

– Не знаю. Наверное, зимой есть.

– Снег пойдет и ее заморозит?

– Нет, снег в воде тает.

– А почему?

– Потому что вода теплей снега.

– А почему теплей?

– Потому она и вода. Была бы холодней – это была бы не вода, а лед. На льду снег не тает.

– А почему не тает?

Влада терпеливо отвечала на бесконечные «почему», никогда не раздражалась... Раньше Ковалев этого не замечал. Для него само собой разумелось, что жена читает Ане книжки, разучивает с ней песни и стихи, водит на детские спектакли и покупает развивающие игрушки. Его тоже водили в музеи и театры и приобщали к чтению. Ковалев никак не мог понять, почему думает о жене с чувством вины...

– А нам сегодня в тихий час читали сказку о царе Салтане, только до половины. А потом я ее девочкам досказала, – похвасталась Аня на подходе к мосту. – И всем понравилось.

– Ты молодец, – рассеянно кивнул Ковалев.

– А еще мне в тихий час приснился дяденька, который с Павликом разговаривал.

Потому что Инна притягивала его так же, как река. Верней, словно она и была рекой... Ему хотелось совершить что-

нибудь отчаянно-безрассудное, доказать что-то, победить... Не Инну – реку, например. Или Зою Романовну. Когда в своих рассуждениях он дошел до слова «блеснуть», его затошнило и он бросил думать об этом.

– И что же тебе приснилось? – натянуто спросил Ковалев.

– Да так... – Аня махнула рукой, подражая Владе. – Просто приснился. Как он меня на лодочке катал. А ты можешь меня на лодке покатасть?

– Где же я возьму лодку?

– А вон сколько их стоит... – Она показала на другой берег.

– Это чужие лодки.

– А ты заплати денег и отдай паспорт. Мы с мамой так всегда делаем в ЦПКО.

Мысль покатасться на лодке почему-то обдала Ковалева жаром.

Найти хозяина лодки оказалось нетрудно – пьяненький мужичок в годах, фигурой напоминавший остов огородного пугала, радостно протянул Ковалеву костистую ладонь:

– Будем знакомы! Коля!

Вообще-то он годился Ковалеву в отцы, чтобы зваться просто Колей...

– А ты, я знаю, племянник Нади Захаровой?

– Внучатый.

– Это Наташкин сын, что ли? – прищурился новый знакомый.

– Ну да...

– Я Наташку хорошо знал, она тут каждое лето отдыхала. Ну там дискотеки, танцы-шманцы, мотоциклы... У меня компания постарше была, но ведь соседи... А это доча?

– Ну да...

– Внучка, значит, Наташкина... Вот как годы-то бегут!

Денег Коля по-соседски не попросил, но намекнул на скуку и желание выпить в хорошей компании. Перспектива провести вечер в его обществе привела Ковалева в уныние, но от лодки он не отказался.

Минут двадцать Ковалев греб против течения, а Аня пела ему песни – слух и голос она унаследовала от Влады, Ковалеву же медведь на ухо наступил. К счастью – иначе вместо бассейна бабушка отдала бы его в музыкальную школу.

Особенно его умиляла песенка про папу, где тот может плавать брассом и рубить дрова. Ее Аня выучила ко дню рождения Ковалева, и он при первом же исполнении еле сдержался, чтобы не расхохотаться. Влада толкала его локтем в бок, а вечером в спальне ворчала что-то про невинное представление ребенка о различии полов.

– Вот и гребсти ты как мама не умеешь... – грустно заметила Аня, допев песню.

– Да ну? – усмехнулся Ковалев.

– Мама легонько веслами махает, а плывем мы быстро-быстро.

– Потому что сейчас мы идем против течения. На обрат-

ном пути посмотришь, может мама так или нет.

– Да пап, ты не обижайся. Ты тоже хороший. Мама вот не может же меня через мост перенести. А мама когда придет?

Ковалев хотел сказать «послезавтра», но сообразил, что с Аней Влада сможет встретиться только в субботу.

– Через два дня и три ночи.

– Ох как нескоро... – вздохнула Аня. – Мне девочки сказали, что в Бога обязательно надо поверить. А то ночью за мной придет Бледная дева и утащит меня в реку – она только некрещеных детей забирает.

– Девочки тебе ерунду сказали.

– Вовсе и нет. Я ее сама видела, в окне. Она положила руку на стекло – и там мокро после нее осталось.

– Ань, у вас спальня на втором этаже.

– Ну да. Она через окно не смогла зайти, и мы потом слышали шаги на лестнице. Но у нас есть одна девочка, Анжелика, она самая смелая, она подбежала к двери и на швабру ее закрыла. И тут дверь с той стороны каааак дернут!

– Это вовсе не значит, что надо обязательно поверить в Бога. Я же тебе говорил: мы сильные. Мы надеемся только на себя.

– Даже если очень страшно? – не поверила Аня.

– Да.

– Конечно, тебя никакая Бледная дева не утащит, – вдруг рассмеялась Аня. – Ты сам ее куда хочешь утащишь! А я еще маленькая. А можно, пока я маленькая, верить в Бога, а

потом, когда вырасту, уже нет?

– Пока ты маленькая, у тебя есть я и мама.

Она задумалась, насупила брови, а потом просветлела от неожиданной догадки:

– Я поняла! Девочки у нас... Вообще дети... Они верят в Бога, потому что у них же почти у всех нет мамы с папой!

– А Селиванов? У него тоже нет мамы с папой.

– Ну, он же уже взрослый, он вырос и теперь в Бога уже не верит.

– Ань... – Ковалев вздохнул, ощущая, что все время отвечал неправильно. – Никакой Бледной девы быть не может. И летать девы не умеют. Это кто-то вас напугать хотел. Мальчишки, наверное.

Они давно миновали мост, по которому проходило шоссе, – за мостом река разливалась еще шире, и Ковалев подобрался ближе к берегу. Здесь стояли дома побогаче и посolidней, а один из них имел даже набережную, выложенную камнем, с террасой над водой, – ее белые перила издали бросались в глаза.

– Смотри, смотри, пап! – Аня показала пальцем ему за спину.

– Да, я видел, красиво, – кивнул Ковалев.

– Да нет, там Инна Ильинична! Ну с которой ты вместе в столовой сидишь!

Аня замахала рукой, а Ковалев все же оглянулся: Инна стояла на террасе с белыми перилами и тоже махнула рукой.

– Приплыли... – проворчал он себе под нос. Откуда ему было знать, где находится дом главы местной администрации...

– Пап, давай поближе туда подплывем. Там так красиво!

– Это неудобно... – ответил Ковалев.

– А ты вон к той штуке подплыви, там как раз удобно.

Возле каменной набережной был оборудован и небольшой плавучий причал...

– Я имел в виду, неудобно без приглашения являться в чужой дом, – вздохнул Ковалев.

– Так мы же в не дом, а на берег. А раз Инна Ильинична нам так машет, значит она нас приглашает.

Ковалев снова оглянулся: в самом деле, Инна звала их к причалу.

Усадьба только с воды казалась столь роскошной, на самом же деле была обустроена гораздо скромней, чем Ковалеву доводилось видеть. Впрочем, для этой глухомани и такое, наверное, считалось из ряда вон...

Инна показала им участок и пригласила в дом выпить чаю. Ковалев отказывался, но она настояла. Чай пили на теплой и удивительно светлой веранде – закатное солнце как раз смотрело с реки сквозь тройные стеклопакеты. И просвечивало красивое земляничное варенье, поданное в хрустальной вазочке. Для варенья на столе стояли розетки, а вода кипела в электрическом самоваре с белым заварным чайничком наверху. И тонкий фарфор чашек пропускал свет.

В другой раз Ковалев счел бы это чаепитие чопорным, но дом показался ему дворянской усадьбой из пушкинских времен – наверное, так же чай пили у Лариных. Только домашний наряд Инны с этим не вязался: она была одета в обтягивающий кашемировый свитер и уютные байковые брюки цвета беж. Ковалев решил, что свитер идет ей гораздо больше пиджака, а юбка – гораздо больше брюк. Она была толенькой, несмотря на плавные линии фигуры. И обволакивала еще сильнее, крепче, чем за столом в санатории.

Мать Инны, заглянувшая на веранду лишь на минуту, посмотрела на Ковалева с хорошо скрываемым любопытством, ничем не нарушив приличий. Но он заметил этот пристальный, хоть и короткий, взгляд, и ему стало не по себе.

Ковалев сам завел разговор о Бледной деве, надеясь, что Инна развенчает эту детскую страшилку, но та взглянула на Аню ласково и сказала:

– Анечка, не бойся Бледной девы. Она забирает только мальчиков, девочки ей не нужны.

– Почему?

– Она ищет своего сына. У нее когда-то был маленький сынок, и она по нему скучает.

– А Бледная дева – это утопленница или русалка? – спросила Аня.

– Утопленница. Русалки тут не водятся, им у нас холодно. Они любят теплые моря с прозрачной водой...

Ковалев хотел было возмутиться – разве можно такое го-

ворить ребенку? – но Инна медленно и верно перешла к рассказу о русалках, и до него не сразу, но дошло: его дочери рассказывают сказку. Красивую волшебную сказку, которая вытекла прямо из жизни, из санаторной спальни девочек. Может, сказка и была немного страшной, но бороться с нею не хотелось, и надобность в Боге отпадала сама собой. Наверное, Инна была хорошим детским психологом. Во всяком случае, гораздо лучшим, нежели Ковалев.

Вниз по течению лодка летела птицей, и Аня признала, что так быстро мама грести не умеет... Ковалеву пришлось пристать к другому берегу, потому что они опаздывали на ужин, и обратно в дом тети Нади он возвращался на лодке, в полной темноте, – фонари с моста только слепили глаза.

Собачий рык у мостков, к которым он причаливал, его уже не удивил, но, сходя на берег с шатавшейся лодки, Ковалев чувствовал себя неуютно и даже посветил в сторону пса фонариком. Рык тут же смолк, лучик света не сразу нашел собаку – Ковалев увидел только поджарый круп и лохматый хвост поленом...

Коля тоже держал цепного пса, правда, не такого здорового, которого назвал чистокровным волкодавом. «Волкодав» размером не превышал шакала, имел типичный для дворняги серо-рыжий цвет, но, видимо, за «чистокровного» его выдали благодаря купированным ушам...

Мелькнувший в луче фонарика пес тоже был обычного

серо-рыжего цвета. И вряд ли был породистым. Поднимаясь на берег, Ковалев все время ощущал на себе его недобрый взгляд и решил выяснить, чья собака разгуливает по реке темными вечерами, – судя по тому, как она рычит, рано или поздно она обязательно кого-нибудь покусает.

* * *

– Сегодня нянька нарочно придет проверить, чтобы тебя не было, – вздохнул Павлик. Они с Витькой сидели в туалете на подоконнике, Витька курил и изворачивался, чтобы выдыхать дым в форточку. Было холодно.

– Чего тебе дядя Федя сказал? – спросил Витька.

– А тебе?

– Какая разница?

Оказывается, Витька говорил с дядей Федей еще вчера. Наверное, потому и остался ночевать у них в спальне, что дядя Федя сказал ему что-то такое про Павлика... Ну, что все это на самом деле, а не просто так – страшно ночью.

– Он говорит, что Зоя дура и всегда была дурой, – пожал плечами Павлик. По правде, дядя Федя говорил это самому себе, а не ему.

– А чего делать сказал?

– Он сказал, чтобы я волка не боялся, что он меня не тронет, но я не очень-то поверил. Все говорят, что нечего бояться. Про крещение сказал, что можно и покреститься... Но

необязательно, если я не хочу.

– И что ты думаешь?

– Не знаю, – Павлик снова вздохнул. – Он сказал, что пока я маленький, это нормально – попросить, чтобы Бог меня защитил...

– И как?

– Не знаю. Зоя тоже сказала, что Бог меня защитит, раз никого больше нет, чтобы меня защитить. Родителей там...

– За каким фэншуем тебе этот Бог? – Витька сжал пальцами сигарету и сплюнул на пол. – Ну ладно мать – ее бы кто защитил от ее глюков... Но я-то чем хуже этого Бога? Думаешь, я тебя не могу защитить от какого-то волка?

– Ты можешь, Вить, я знаю. – Павлик помолчал и добавил: – И потом, если я его не буду видеть, он придет, а я не проснусь. И он меня загрызет во сне.

– Вот именно!

– Дядя Федя сказал, чтобы я завтра к реке пришел, если не хочу креститься. Ну, когда батюшка приедет. А я так думаю, сегодня волк точно придет, потому что чувствует, что меня завтра покрестят.

Витька выбросил окурок в форточку.

– Я, знаешь, лучше к тебе приду... Береженого, типо, бог бережет. – Витька ослабил. – Пошли, холодно здесь.

Он поежился и слез с подоконника. Павлик спрыгнул на пол вслед за ним и уже у самой двери спросил:

– Вить, а дядя Федя, он кто? Утопленник?

– Он водяной. – Витька смерил Павлика взглядом. – Ты его не бойся, он за нас. Он всегда был за нас.

Рассказывать сказки на ночь к ним в спальню пришли две девки из пятой группы, Олеся и Маша, – не самые плохие. Были там две злые твари: щипали тех, кто не слушается, так что синяки оставались, и вообще издевались по-разному. Могли нарочно в туалет не пускать или заставляли стоять посреди спальни всю ночь. Павлик рассказал про них Витьке, и одна из них в следующий раз нашептала ему на ухо: «А ты, Пашечка, если своему Витьке жаловаться будешь, я тебя ночью подушкой задушу, понял?» Но Павлика они все равно больше не трогали, хотя он и испугался очень.

А эти, которые пришли, были ничего так. И тоже истории знали интересные и страшные, хоть у Витьки истории были лучше и страшней. Но Витьке с ними договориться не удалось, потому что Зоя им строго сказала Витьку в младшую группу не пускать. Она и страшные истории не велела рассказывать, но все ребята просили, и девки согласились.

Мишка Воскресенский сразу разнылся: не надо страшных историй, надоели страшные! Даже Петюня не ныл и слушал, а Мишка ревел под одеялом и уши затыкал. И обещал Зое пожаловаться. Костик Кириллов назвал его приютской крысой, и больше в сторону Мишки никто не смотрел.

– Давным-давно стояла тут на реке водяная мельница... – начала рассказывать Маша. – Если идти от нас к железнодоро-

рожному мосту, там ее развалины остались. А под мельничным колесом на самом дне поселился громадный сом. Он на самом деле был злой колдун и людоед. И вот повадился этот сом мельничное колесо ломать. И вообще, по-всякому мельнику мешал жить.

Павлик представлял себе мельницу – в мульте про Кота в Сапогах она была, и в других мультях тоже. И долго не мог представить, где мельничное колесо, как под ним может жить сом и как может его сломать. Но потом решил, что если мельница стоит на реке, то, наверное, где-то под ней сом жить все-таки может.

– Ну, мельнику это надоело, он вышел в полночь на реку, наклонился к омуту и стал сома высматривать. А сом раз – и схватил его за бороду. Схватил и тащит вниз. Мельник испугался и стал просить, чтобы сом его отпустил. Тут сом и говорит ему человеческим голосом: если будешь отдавать мне в год по одному мальчику, я тебя отпущу. А если трех мальчиков будешь отдавать, я стану стеречь твою мельницу, чтобы она целехонькая стояла и не ломалась. Мельник был богатый и жадный, ему мельница была дороже каких-то там мальчиков, он и согласился. И вот стали на мельнице пропадать дети. Мельник хитрый был, чьих-то детей на мельницу не заманивал, а выбирал непременно сироток. И даже приплачивал разным бандитам, чтобы они к нему сироток приводили. И отдавал их сому на съеденье. Но скоро сиротки в округе кончились, едва-едва одного можно было за год най-

ти, чтобы сому отдать. Испугался мельник, что опять колесо сломается и надо будет деньги за его ремонт платить, и стал думать, где бы ему взять еще сироток. А на месте нашего санатория тогда была дворянская усадьба, только брошенная. Ее хозяин во Францию уехал и ее бросил. И вот мельник придумал, чтобы в этой усадьбе приют сделать. Ходил, договаривался со всеми и договорился – сделали в усадьбе детский приют. Так возник наш санаторий.

Маша говорила медленно, останавливалась после каждой фразы и вздыхала.

– Потом мельник утонул и стал служить сому уже просто так, потому что привык. Выходил из реки, прикидывался живым человеком и искал сироток в санатории. Подойдет к задней калитке, позовет какого-нибудь мальчика и уговорит пойти с ним на речку. А когда они к берегу придут, к самой воде, – он мальчика в реку и утянет. Потом сын мельника из дальних краев приехал и тоже стал детей сому отдавать, и пока жив был, и потом, когда утонул. И так из поколения в поколение все потомки мельника служили сому и поставляли ему жертвы. Уже и мельницы не стало, а все равно. И все они обязательно тонули и из реки потом выходили, чтобы новую жертву для сома найти. Опознать такого человека очень легко: у него всегда мокрые сапоги, а с одежды всегда капает вода. С задней калитки всегда, потому что он не может далеко от реки отходить. И если такого человека встретишь, надо бежать скорей к людям и звать на помощь. А не

позовешь никого, он тебя заговорит и в реку утащит, сому на съедение.

Понятно, что она на дядю Федю намекала, Павлик догадался. И даже сомнения появились: а вдруг правда, а Витька об этом не знает? Павлик решил обязательно спросить у Витьки, правду ли рассказывают девки или нарочно врут.

Маша опять вздохнула и хотела что-то сказать, но тут ее подружка добавила:

– А выбирает он всегда некрещеных детей, потому что против крестной силы ему не устоять.

Наверное, они нарочно ввали, потому что тут только Павлик был некрещеный, а этот приезжий про дядю Федю Зое все рассказал. Вот Зоя и подговорила их Павлика запугивать.

А если нет?

Витька пришел, когда нянька убедилась в его отсутствии.

– Прикинь, Зоя обратно приперлась – на ночь глядя, – сообщил он потихоньку, потому что все давно спали. – Я видал, как она няньку подговаривала сюда сходить.

Витька снова подложил под голову медведя, развалившись на полу.

– Вить, а тебе так не холодно спать? – шепотом спросил Павлик.

– Неа.

– А то хочешь, я тебе одеяло отдам.

– Я покрывало возьму, не бойсь. – Витька зевнул.

– Вить, а про мельника историю ты знаешь?

– Знаю. Ее Зоя придумала, чтобы мы дядь Федю боялись. Давно еще, когда я маленький был. У них это... экзистенциальный конфликт. Дядь Федя тоже про Зою рассказывал. Что она натуральная ведьма и у нее с Богом договор: она ему поставляет души, а он за это возьмет ее в рай, хотя ведьмам и не положено.

– А разве ведьма не с дьяволом должна договариваться?

– Один хрен. Если колдуют от Бога – это святые подвижники, а если от дьявола – это злые ведьмы. Но разницы никакой. – Витька хмыкнул. – Зоя, говорят, бесов может изгонять, но ей не положено, потому как она не того полу человек.

– Она говорила, да... – вздохнул Павлик, – что после крещения батюшка всех бесов от меня прогонит... Что это бесы меня в молельню не пускают.

– Во-во. Все думают, что это батюшка бесов прогоняет, а на самом деле – это Зоя. Эх, вывел бы я ее на чистую воду... Вся такая православная – а на самом деле ведьма. Ты заметил, как она говорит иногда? И рот почти не разевает – а слышно так, будто орет во все горло. Колдунство... Ладно, спи давай. И я подремлю немножко.

* * *

Весла Ковалев оставил у Коли во дворе, надеясь, что тот

не заметит его возвращения. Но тут он просчитался: Коля пришел сам, Ковалев едва успел переодеться и растопить печку. Надо отдать соседу должное: водку он принес с собой. Так же как и закуску: банку огурцов, грибочки и половину буханки ржаного хлеба.

– Ты не бойся, грибки я сам собирал... Настоящие грузди! – заверил Коля, хлопнув первую стопку.

«Настоящие грузди» прозвучало так же, как «чистокровный волкодав»... Ковалев поморщился и закусил раскисшим огурцом – из него в стороны брызнул рассол с запахом браги.

– Огурчики слегка того, – довольно сказал Коля. – Эт прошлогодние еще, от бабы Каблуковой, никак доесть не могу. В этот год мне Светка Пятакова огурцы солила – с хренком и сахаром, вот они хрустят так хрустят!

Коля нигде не работал, подъедался за счет множества одиноких старух в Заречном – кому-то вскопает огород, кому-то нарубит дров. А на лето сдавал дом за небольшие деньги, которые пропивал до Нового года.

Ковалев мужественно выслушал рассказ о сложных любовных интригах между Колей и Светкой Пятаковой пятидесяти пяти лет, но вскоре водка стукнула в голову, разговор перестал тяготить и даже показался интересным. Да и грузди были хороши: крепкие, хрустящие и пряные.

– А чей это пес тут бродит возле моста? – спросил Ковалев после четвертой стопки. – Рычит...

– Если маленький и черный, то это Кузька Андронихин.

Андрониха его с цепи на ночь спускает, потому что воров боится, а он под калиткой – и был таков!

– Нет, не маленький. Большой и серый с рыжим.

– Не, таких у нас нет. Дачники бросают по осени собак, конечно, но они все у магазина трутся, кто сразу не издох. А хотя... погоди-ка... Может, комитета... Ну, тетя Шура, уличный комитет. У ней на цепи такой пес сидит, но я его редко видел, будка у самого крыльца, от калитки и не видно за сараями. Ну тот да, страшный пес. Да. Срывается, бывает. Мой тоже иногда срывается, но он как – по своим делам сразу бежать, ни на кого и не смотрит даже. А тетя Шурин – тот не, тот на людей бросается. Тем летом дачницу покусал, она в суд хотела подавать, но потом так все и завяло.

– И часто он срывается?

– Ну... Не знаю. Тем летом срывался. Потом еще тетя Шура уехала на два дня, он сорвался... Потом... Да, весной еще один раз, но его сразу поймали. И, знаешь, забавно так! Участковый его увидел, за ружьем сбегал: пристрелить соби-рался, если что. Орал очень на тетя Шуру. Так пес бочком, по стеночке – и сам к себе во двор вернулся. Как будто понял.

– А тетя Шура случайно не в отъезде? – на всякий случай уточнил Ковалев.

– Не, я ее сегодня видал в магазине, когда водку брал. А может, это из питомника? – Коля с опаской взглянул в окно. – Как домой-то тогда идти?

– Местная собака Баскервилей?

– Да ну... скажешь... Баскервилли... Это настоящее динго! Я тебе сейчас расскажу.

Коля поведал историю о тайном питомнике собак для КГБ, который находился в соседней области. В питомнике скрещивали диких зверей с дворовыми собаками, и, якобы, хорошее потомство получилось из смеси гиены, динго и лайки. Во время перестройки выведенные собаки разбежались и одичали, и теперь некоторые особи, преодолев расстояние в три сотни километров, появляются неподалеку от Заречного. Питаются они человечиной, их специально выводили такими, чтобы на людей бросались, а поскольку они скрещены с домашней лайкой, то человека совсем не боятся.

– Ох уж этот КГБ... – вздохнул Ковалев.

– Дык! И не говори-ка! – подхватил Коля. – А главное, они плавают очень хорошо, даже под водой.

– Их с тюленями скрещивали тоже? – пьяно хохотнул Ковалев.

– Не, это у них от гиен. Гиены охотятся в воде.

– Родственники крокодилам, наверное...

Коля не чувствовал подвоха, продолжая на полном серьезе:

– Все может быть. Челюсти точно крокодильи.

– А КГБ не слабó с крокодилом собаку повязать?

– А ты думал! Конечно нет! Генные инженеры. А про челюсти я тебе сейчас расскажу.

И Коля рассказал еще одну захватывающую историю о

том, как один дачник возвращался ночью домой, а для защиты прихватил с собой монтировку. И страшный крокодилопес перекусил ее пополам. Перекушенную монтировку Коля видел своими глазами. А еще один его сосед взял такое вот чудовище к себе домой, и тогда все решили, что сосед этот есть ведьмак. Коля не очень верил в ведьмаков, но тут решил, что без тайного знания от КГБ не обошлось. Тайные знания от КГБ тронули Ковалева особенно.

К счастью, вскоре Колино опьянение перешло из возбуждения в расслабленность и мягкосердечие, он вспомнил молодость и перестал сочинять.

– Наташку я помню, да... Я ее лет на шесть был старше, она еще в дочки-матери играла, когда я на мотоцикле гонял. А потом как-то слышу – поет. Она пела хорошо, голосок то-ненький такой, звонкий. Я вот как щас помню, иду я по улице и слышу, как она поет. И песня-то была детская, про качели. То ли небо, то ли ветер, то ли радость впереди... – пропел Коля тонко и фальшиво. – Я через забор заглянул, а она в купальнике малинку собирает и поет. Вся такая. Вот, думаю, ерш твою растудить, выросла Наташка, а я и не заметил. Я к ней пробовал клинья подбивать, но за ней тогда Смирнов увивался. А Смирнов в те времена против меня был салага, на три года моложе, я ему еще в школе Москву показывал... Царствие ему небесное... Ох, Серега, какой я старый-то! А ведь как вчера все было.

Коля всхлипнул и тяпнул еще водки.

– Вот тебе и «радость впереди»... – выдохнул он и с отворачиванием прикусил махонький кусочек хлеба. – Вот такая вот радость...

Ковалев едва не всхлипнул вслед за ним и тоже выпил стопку.

– Как она... погибла? – спросил он, хотя давал себе слово не спрашивать об этом – не хотел слушать сказок Колиного сочинения.

– Тут дело было в несчастной любви, – с готовностью начал Коля. – Приезжал к нам на лето иногда один крендель, кстати, бабы Каблуковой племянник, москвич. Ему на четырнадцать лет родители «Яву» купили, представь себе, а мы тут круче ижака ничего и не видели. Валеркой его, кажись, звали... Я фамилию только хорошо помню: Орлов. И такой прям орел! По мне пацан, конечно, но всегда к старшим тянулся. И как-то мы его за своего держали, хотя он Смирнову ровесником был. Но у Смирнова в четырнадцать лет мотоцикла не было, о чем нам с ним говорить? Это потом ему «макаку» купили, года через два, я уже путягу давно закончил и ЗИЛок водил. Потом меня в армию забрали... А вернулся я, мне уже и не до того было. Так, на танцы ходил иногда, девок пощупать. Урал себе купил, с коляской, он до сих пор в сарае стоит, проржавел весь. Ага, потом Смирнова в армию забрали... А орел наш в институте учился, если и появлялся, то на недельку-другую. А потом гляжу: на жигулях стал приезжать. Ну вот и сравни: Орлов в собственной тачке,

в фирме с ног до головы и с дипломом в зубах и Смирнов на своей задрипанной «макаке». Как ты думаешь, ждала его Наташка из армии? Вот то-то и оно...

Коля перевел дух и налил еще по стопочке.

– Как там уж меж ними было – не знаю точно. Знаю, что орел наш Наташке голову задурил и бросил. Это еще Смирнов в армии был... Он осенью вернулся, Наташка уже в город уехала. И такой он парень стал – все наши девки ахнули. В армию уходил заморышем, а вернулся – в плечах косая сажень, ростом меня догнал, серьезный такой. На границе служил, где-то в Средней Азии. А я вот на Дальнем Востоке БАМ строил. Я там даже амурского тигра видал однажды. Своими глазами!

Ковалев кашлянул, но не избежал длинного отступления о повадках амурских тигров... Вернуть Колю к продолжению рассказа было непросто. Впрочем, Ковалев катастрофически пьянел, и Коля с каждой стопкой водки казался ему все трезвее и рассудительней.

– Да, я ж про Наташку хотел досказать... – Коля зевнул. – В общем, Смирнов ей предложение сделал в начале следующего лета. И она, вроде бы, не отказалась. Гуляли они вместе недельки две. И тут опять наш орел прилетает! Задело его, видать, что Наташка к Смирнову перекинулась. Он ее только пальцем поманил, она к нему и побежала... Смирнов обиделся очень. Пьяный к ней заявился, с топором, убить хотел. Вот такая вот Санта-Барбара... Орлов-то с Наташкой

наигрался и в свою Москву уехал. А она следующей весной сыночка родила. Сережкой назвали... Это я точно помню, потому что про отчество много разговоров было.

Ковалев с трудом приоткрыл глаза и выдал:

– Тезка мой, значит...

– Точно, – кивнул Коля многозначительно, а потом хлопнул себя по лбу. – Ерш твою растудить... Да ты набрался, я смотрю.

Дальнейшее Ковалев помнил совсем смутно – он все время пытался открыть глаза и никак не мог. Колин рассказ то-нул в тяжелом мареве сна: серая с рыжиной собака ныряла за рыбой, бабушка стояла у плиты и жарила оладьи под грохот поезда...

– ...спился и умер, баба Каблукова плакала еще.

Голубая вода бассейна темнела и поднималась, выплескивалась за борта, лилась тяжелым неумолимым потоком...

– ...каждый год цветы в воду бросал с моста.

Весла терли ладони, а течение сносило лодку все ниже и ниже, и не хватало сил его перевозмочь. Инна смотрела снисходительно и спрашивала, не хочет ли он узнать у нее, как правильно грести против течения.

– ...утонул весной, в ледоход... Недавно, полтора года не прошло. Или прошло?

Черная вода сомкнулась над головой, чтобы никогда не разомкнуться, а холодная липкая рука за щиколотку тянула на дно...

– Вот такая вот Санта-Барбара...

* * *

Река знает и помнит все. Но никому не расскажет. Неумолимо вместе с водой течет время, уносит прозрачные отражения в серебристой чешуйчатой ряби. Тают в тумане голоса и отголоски, уплывают запахи весны, кончается юность – сменяется новой весной и новой юностью. Река течет в море, время течет в вечность... Но где-то в темных омутах оседает память отражений, голосов и запахов; и жарким летним днем, потревоженная быстрыми рыбками, к ночи поднимается из глубины призрачными видениями – отражениями, голосами и запахами. И кажется, что давно ушедшие зовут живых к себе, манят на черное дно – дно памяти.

Отражается в воде покосившаяся банька, почерневшие бревна, просевшая в сторону берега стена, кривой косяк двери. Тронь отражение, пусти круги по воде – и поднимется из омута памяти новехонький сосновый сруб, темно-желтые стены, затеплится огонек в маленьком окошке, поплывет над водой девичий смех и заговорщицкий шепот. Испокон веков юницы заглядывают в будущее. А потом, спустя годы и годы, рады одним глазком глянуть из будущего обратно, посмотреть в отражение банного окошка с теплым огоньком, вдохнуть запах зрелого лета.

Два зеркала – прошлое и будущее – стоят друг напротив

друга, и в обе стороны убегают бесконечные дорожки отражений.

Четыре девы гадают на обручальном кольце и верят в свое гадание.

– Я ничего специально не раскачиваю! – шипит одна. Аля. Ей пятнадцать. У нее в руках нить с привязанным к ней колечком, колечко качается и звякает о стенки стакана с водой. Вода вернется в реку, ляжет на дно омута памятью, и будет иногда звенеть под берегом тихий колокольчик – золотом по стеклу.

– Ты нарочно мне не раскачивала, а Зойке раскачиваешь! – Таня от досады сжимает кулаки. Ей четырнадцать. Через десять лет она выйдет замуж, потом родит двоих сыновей, станет доктором наук...

– Можешь не верить! – фыркает Аля. – Это моя бабушка колдунья, а не твоя. Я всегда гадаю верно.

Она выйдет замуж через шесть лет, а через восемь родит дочь.

– Давайте лучше на воске. Колечко скучно. – Зоя недовольно кривит губы. Ей тоже пятнадцать, но ростом она ниже всех. Она никогда не выйдет замуж, у нее никогда не будет детей.

– Сначала мне на колечке! – Наташа обиженно сводит брови домиком. Ей тринадцать, она самая младшая. Она рано умрет.

– Да, сначала надо Наташке, – кивает Аля. – Загадывай.

Наташа поднимает глаза к низкому потолку.

– Э-э-э... Колечко-колечко, сколько у меня будет детей?

У Али дрожат пальцы, дрожь бежит по ниточке, колечко качается сначала незаметно, потом все сильнее, ударяет о стекло – звяк! – и унимается вдруг, останавливается, качнувшись еще несколько раз, но уже не касаясь стакана.

– Один. – Аля натянуто улыбается. Она не хотела, чтобы колечко ударилось в стекло. Она всеми силами старалась удержать его на месте. Она одна точно знает, что это гадание честное – потому что колечко не слушается ее.

– А как спросить, как будут звать моего мужа? – спрашивает Наташа.

– Это не так надо гадать, это надо выходить на улицу и спрашивать имя у первого встречного, – сверху вниз объясняет Зоя.

– Ну да, конечно! Кого ты встретишь во дворе у Смирнова? Только Смирнова. – Аля прыскает.

– Можно на шоссе пойти, – пожимает плечами Зоя.

– «Как ваше имя? Смотрит он и отвечает: Агафон». – Таня смеется.

– Сначала на воске погадаем. Но для верности надо набрать воды из омута и пообещать за это жертву водяному.

– Какую жертву? – Наташа замирает вдруг, незаметно для себя выпрямляется.

– Только пообещать, не бойся. – Аля улыбается. – Самую красивую из нас.

– И кто же из нас самая красивая? – Таня надменно с полуулыбкой смотрит на остальных.

– А мы у Смирнова спросим. – Аля встает и приоткрывает щелку в окошке. – Смирнов! А Смирнов!

Тот сидит на мостках с удочкой и иногда оглядывается на освещенное окошко. Перед ним молочно-белый туман тонет в малиновом киселе заката.

– Чего?

– Кто из нас самая красивая?

Он не долго думает.

– Наташка!

Она тоже подбегает к окну.

– Ну ты и гад же! Они теперь отдадут меня водяному!

– Не бойся. Я и есть водяной.

– Ты еще не водяной! – усмехается Аля. – Вот утонешь – тогда и станешь водяным.

– Я не утону.

Девы выходят на берег в самой середине самой короткой ночи в году. Серебрится воздух, над теплой водой поднимается пушистый парок и затягивает туманом лес на другом берегу, и ажурный мост, и насыпь... Они юны и прекрасны, как речные нимфы, и одеты только в венки из васильков. Смирнов подглядывает за ними из-за коряги, стоя по пояс в воде. Этот сон будет сниться ему всю жизнь, пока он не утонет, но это случится нескоро.

Девы снимают венки и зажигают свечи, заходят в воду и пускают венки по реке – четыре огонька качаются в серебристом тумане, расходятся по сторонам. Венок Зои с красным маком замирает на месте и возвращается, остальные течение несет вперед. Алин веночек прибьет к другому берегу, веночек Тани уплывет вдаль, а веночек Наташи затянет водоворот под мостом. Но они об этом не узнают, потому что огоньки скоро скроет туман. Об этом будет помнить только река. Но никому не расскажет.

* * *

Ковалев проснулся от грохота поезда за окном. Комнату наполнял призрачный красный свет, стоял жуткий холод, расстегнутые джинсы сползли, отчего ногу больно колола застежка ремня, а от малейшего движения глазами к горлу подкатывала тошнота. Ходики показывали половину седьмого утра.

Ковалев сел на постели – голова затрещала и едва не лопнула, очень хотелось обратно под одеяло. Ледяной пол обжег пятки, а тапок он нащупать не смог – они нашлись потом, запутанные в простыне.

Кошмар... Свинство... Да еще и перегаром будет разить весь день – в детском учреждении.

Он босиком прошлепал в кухню и трясущимися руками ухватился за банку с остатками огурцов. Выпил весь рассол

до дна. Холодно было потому, что вечером он не задвинул вьюшку. Да и дров в печку не подкладывал.

От рассола с привкусом браги его тут же вырвало. Он долго чистил зубы и порезался, когда брился, – руки тряслись. Подумал и все же сжевал засохшую горбушку хлеба с груздем – стало немного легче.

На улице снова было ясно и морозно, Ковалев вышел за калитку, стараясь ступать твердо и дышать поглубже, – вдруг в голове прояснится от свежего воздуха? Он так сосредоточился на этом, что дернулся от неожиданности, когда из темноты к нему шагнула давешняя черная старуха. Он едва не сбил ее с ног...

– Извините... Я... вас не заметил... – пробормотал он, отступая на шаг.

В тусклом свете фонаря только и было видно, что ее лицо, – одежда сливалась с темнотой. Даже жутко стало. Старуха ничего не говорила, лишь смотрела и моргала часто-часто.

– Вы что-то хотели? – спросил Ковалев, немного досадуя на задержку: ведь снова опаздывал!

Старуха продолжала моргать.

– Простите, я спешу.

Ковалев хотел ее обойти и двинуться дальше, но тут она наконец заговорила:

– Внушек, тебе, наверное, одному тяжело за домом смотреть. Уходишь рано, возвращаешься поздно...

– Да нет, все нормально. Я только ночевать прихожу.

– Я бы печку могла стопить, прибраться...

В прислугу, что ли, нанимается?

– У меня сейчас денег нет, простите. Я как-нибудь сам.

– Нет-нет, – бабка испуганно замахала руками, – какие деньги? Не надо никаких денег. Я так.

Делать ей, что ли, нечего? Впрочем, наверняка нечего. Но подобного благотворительного акта Ковалев все равно понять не мог. На воровку она не похожа, и живет скорей всего поблизости.

– А вам, простите, зачем это нужно?

Старуха помолчала, заморгала снова.

– Скучно мне, внучек, одной. Никому я, старая, не нужна. Никого у меня теперь нет. Так хоть с кем-то словом перекинуться, да и доброе дело сделать.

Прозвучало это неубедительно. А впрочем, Коля ради разговора литр водки купил и закуски принес... Может, им здесь в самом деле так скучно? А тут – новый человек. Любопытно. Ведь стояла же позавчера эта старуха, издали Ковалева разглядывая...

Ковалев вздохнул – если отказаться, она не отстанет, а время идет... Да и жалкая она была, несчастная... А дом к вечеру опять промерзнет, и топить придется до завтрашнего утра.

Он достал из кармана ключ и протянул старухе:

– Вот. Вы только печку мне стопите, а то я совсем не умею.

Больше ничего не надо. И чаю там попейте. У меня печенье есть и конфеты шоколадные. Обязательно попейте чаю. И конфеты ешьте, не стесняйтесь.

Лицо ее посветлело, и вместе с улыбкой на глазах выступили слезы.

– Спасибо, внучек... Спасибо... Дай тебе бог здоровья, и доченьке твоей...

– Это вам спасибо, – пожал плечами Ковалев. – Мне идти надо, извините. Я опаздываю.

Она закивала, и две слезы выкатились на желтоватые щеки.

Ковалев двинулся вперед, отошел на несколько шагов и оглянулся – старуха смотрела ему вслед.

– Как вас зовут?

– Баба Паша меня зови. – На лице ее вместо слез появилось умиротворение, спокойная радость. Нет, Ковалев бы ни за что не поверил, что бабуля прячет камень за пазухой.

Перед завтраком Зоя Романовна напутствовала детей на предстоящую исповедь, и, надо сказать, очень убедительно. Этого у нее было не отнять – ее голос имел гипнотическое действие, почти волшебное. Она подбирала красивые слова и произносила их не проникновенно, а непринужденно, будто приглашала очутиться в сказке. Ковалев видел, как Аня смотрит ей в рот – и тоже хочет в эту сказку, и верит, что окажется в ней... Интересно, чья же сказка победит? Страш-

ная сказка Инны или сладкая сказка Зои Романовны?

Он думал, что хуже манной каши и молочного супа ничего быть не может, но ошибся – на завтрак подали постное (по случаю исповеди) морковное суфле. Ковалева и без того мутило, и, положив в рот кусочек, он долго не решался его проглотить. Рядом прыснула Инна, Ковалев закашлялся и едва не выплюнул вареную морковку обратно в тарелку. После этого он больше не экспериментировал.

Инна стояла в стороне и непринужденно болтала с инструктором Сашей. Сегодня на ней была теплая вязаная юбка длиной почти до щиколоток, узкая и обтягивающая даже колени. Интересно, как в этом ходят и не падают?

– Хотите, пойдём ко мне в кабинет? – спросила Инна с блуждающей улыбкой, когда Ковалев вышел из-за стола. – У детей процедуры...

Он собирался спросить, что ему делать в её кабинете, но она опередила его вопрос:

– Я расскажу вам о проблемах дошкольников в новом коллективе.

Её кабинет был маленьким, завешанным картинками из детских сказок, но кроме рабочего стола в нём стояли два скромных кресла перед чайным столиком размером с табуретку – для непринужденной беседы ребенка с психологом, надо полагать.

– Хотите бутерброд? – спросила Инна, включив пол-лит-

ровый дорожный чайник. – По четвергам я всегда беру с собой бутерброды, потому что на завтрак подают невообразимую дрянь.

– Не откажусь, – кивнул Ковалев, вспомнив, что закусывать никогда не поздно.

– Представьте, они собирались устроить постные дни по средам и пятницам... Но мой папа пояснил Татьяне, что существуют нормы суточного потребления ребенком мяса и молока, которые нарушать не стоит – можно не только потерять место главврача, но и заработать дисквалификацию. Теперь они суточные нормы не нарушают, но четверговый завтрак – это нечто...

– Я вас не объем? – спросил Ковалев, принимая половинку багета с сервелатом, тонюсеньким кусочком сыра и салатным листом.

– Ни в коем случае. Я позаботилась о вас заранее.

– Спасибо. Еще три дня назад я считал, что ем все подряд.

– На здоровье. Вы как-то помято выглядите сегодня. Мне показалось, вы плохо себя чувствуете.

Впившись зубами в багет, Ковалев совсем расслабился.

– Вчера ко мне приходил сосед... Мы с ним выпили немного.

– Наверное, Коля? – Инна снисходительно улыбнулась.

– Ну да, Коля...

– Коля – прелесть! – Она улыбнулась еще шире. – Зануда, конечно, но я так люблю его послушать! Он вам показывал

своего чистокровного волкодава?

– Ага.

– У него еще есть стопроцентная русская голубая. Пушистая и полосатая.

– Еще он мне рассказывал про настоящее динго – плод генной инженерии.

Инна вдруг переменилась в лице:

– А что это он «настоящее динго» вспомнил?

Ковалев не обратил внимания на эту перемену.

– Это я его спросил, что за пес бродит по ночам у моста.

Инна отложила бутерброд и откинулась в кресле. И спросила тихо-тихо:

– Вот как? Вы его видели?

– Только хвост. А что, это в самом деле плод генной инженерии?

– Нет. Конечно нет. – Она почему-то посмотрела на дверь.

– Неужели местный жеводанский зверь?

– Жеводанского зверя не было. Было много крупных волков. Такие аномалии случаются, у нас после войны волки тоже часто нападали на людей. Кстати, никогда не поворачивайтесь к нему спиной – он считает это слабостью. Или провокацией.

– К кому? К жеводанскому зверю? – улыбнулся Ковалев в ответ на ее серьезность.

– Вообще ни к какому зверю нельзя поворачиваться спиной. Кроме бешеного – от бешеного надо бежать.

– Они и справку предъявляют? О бешенстве?

– Бешеный бросается сразу, здоровый подумает, прежде чем напасть. На вас, по крайней мере. Не смотрите так, мой дед был охотоведом.

– Вы мне скажете, наконец, что это за «настоящее динго» или так и будете ходить вокруг да около?

– Если я вам скажу, вы мне не поверите и посмеетесь. – Взгляд ее снова стал рассеянным, а лицо – задумчивым.

– Вы все-таки скажите, а я посмотрю, смеяться или нет.

– Это хтон, демон смерти.

– Потрясающе... – Настала очередь Ковалева откинуться в кресле. – Вы в самом деле считаете, что над этим не стоит смеяться?

Она не спешила ответить, снова заговорив о своем:

– В Европе много поверий о призрачных собаках, в православной традиции собак тоже считают нечистыми животными. Появление хтона лично для вас – это знак, но к добру или к худу – не знаю.

– А вы не сомневаетесь, что мне встретился именно хтон? Вы не пробовали предположить, что это обычная дворняга?

– Я знаю, как выглядит хтон.

– Хорошо. Если я еще раз встречу это «настоящее динго», я непременно его изловлю и приведу вам показать.

Может, она и не хотела смеяться, но смешок все равно пробился наружу сквозь прикушенные губы. Этого Ковалев не выдержал – положил остатки бутерброда на столик, под-

нялся и вышел вон. Она смеялась ему вслед совсем уж откровенно.

В коридоре он тут же столкнулся с басоголосой докторицей, которая смерила его взглядом и пробормотала себе под нос что-то вроде: «А ведь женатый человек!» Уму непостижимо, как быстро тут рождаются сплетни...

Дверь в молельную комнату, обычно запертая, на этот раз была распахнута настежь – там сустились четыре воспитательницы, главврач и Зоя Романовна. Ковалев заглянул туда из любопытства, на секунду, но это не осталось незамеченным.

– Проходите. – Главврач улыбнулась ему сладко и жалостливо. – Можете убедиться, тут нет ничего страшного.

Ковалев задержался на пороге, окинув молельную комнату взглядом, – трудно представить, что раньше тут был спортивный зал, разве что размер соответствовал. Даже резные царские врата присутствовали, а за ними в натяжной потолок били пучки оранжевого света, и их отражение вместе со светом спрятанных в алтаре окон освещало комнату будто в сказке. К царским вратам поднимались две ступени вычурной формы, затянутые в блестящий линолеум, а амвон стоял на широком пушистом ковре. Ковалев не очень-то разбирался в церковной утвари, но на экскурсиях в церквях бывал. Высота потолка не позволяла разместить многоярусный иконостас, но иконы поражали размером и красочностью: все лучшее – детям.

- Нравится? – с кокетливой улыбкой спросила главврач.
- Богато, – кивнул Ковалев.
- Если хотите, можете остаться, посмотреть и послушать.
- Спасибо, нет.
- У нас сегодня необычная служба. Будем крестить Пав-

лика Лазаренко, это для нас праздник.

Зоя Романовна, распорядившаяся приготовлениями к службе, повернулась так резко, что под ее каблуками звонко скрипнул линолеум.

– Татьяна Алексеевна... – многозначительно и с нажимом произнесла она. – Вряд ли Сергей Александрович найдет это событие праздничным.

– Я полагаю, назначенные в соответствии с законом опекуны уже решили за Павлика, креститься ему или нет, – едко ответил Ковалев. – И мое мнение тут никого не интересует.

– Совершенно верно, – кивнула Зоя Романовна.

Одна из воспитательниц тоже оглянулась:

– Как вы могли подумать, что Павлика кто-то принуждает! Да он с самого утра весь светится от радости! Он так ждал этого дня!

– Я вовсе не думал, что его принуждают, этого только не хватало... – пробормотал Ковалев, предчувствуя, какой поднимется ор, если он попробует высказать свою точку зрения.

Немедленный уход не уберег его от шипения вслед.

– Девочки, перестаньте, – громко шептала главврач. – Если не хотите, чтобы у нас были неприятности.

«Девочки» только зафыркали недовольно – непохоже, чтобы Татьяна Алексеевна, доктор медицинских наук и профессор, пользовалась среди них большим уважением, нежели Зоя Романовна.

Ковалев не стал мозолить им глаза, оделся и вышел на крыльцо, к ступенькам которого как раз подъезжал навороченный внедорожник, – почему-то ни на миг не возникло сомнения, что на нем прибыл батюшка.

За рулем сидел молодой монах – в черной шапочке и с бородой. Внедорожник лихо тормознул перед входом, так что из-под колес брызнули камушки. Отец Алексей неуклюже выбрался из машины, одергивая рясу, но, оказавшись на земле, кашлянул и принял степенный вид. Более всего он напоминал Санта-Клауса – не дотягивал до Деда Мороза: пухлый, среднего роста, с окладистой, но не длинной бородой и красивой круглой лысиной и, конечно, с крестом на хорошо обозначенном животе. Ковалеву вспомнился Блок: «И крестом сияло брюхо на народ...»

Батюшка действительно пошел на Ковалева брюхом вперед и, хотя был ниже ростом, смотрел по-отечески свысока. Доброжелательно и строго, соответственно сану.

Ковалева на секунду смутил его взгляд – словно ряса давала этому человеку право смотреть свысока. Даже не опустить смиренно глаза и то показалось хамством, оскорблением чувств верующих. Ковалев не опустил взгляд и со страхом ждал какого-нибудь к себе обращения, но батюшка лишь

кивнул ему, проходя к двери, и Ковалев кивнул ему в ответ. И не удержался, чтобы не посмотреть ему вслед. Отец Алексей тоже оглянулся, будто почувствовал пристальный взгляд, — строгость в его глазах сменилась теплой улыбкой. Ковалев даже испытал укол совести за свою неприязнь к бабушке, столь обаятельной, обезоруживающей была эта улыбка.

— Ну-ну, — пробормотал Ковалев себе под нос, скатываясь со ступенек.

Он не знал, куда пойти, — до окончания процедур оставалось сорок минут, и провести их на скамейке было бы слишком зябко. Впрочем, и шататься по парку в одиночестве не хотелось. Ковалев направился к задней калитке и только потом поймал себя на мысли, что идет к реке...

Он огибал корпус, когда услышал за углом возню и громкий шепот: два оболтуса вылезали наружу из окна туалета и были так увлечены этим делом, что не смотрели по сторонам. Куртки и сапоги уже валялись на заиндевевшей траве под окном. Ковалев остановился в трех шагах от них, у стены, и первый из беглецов свалился едва ли не ему на голову, не удержался на ногах и плюхнулся задом на землю.

Это был Сашенька Ивлев, приютский мальчик, пример смирения и кротости... Он лишь раскрыл рот, увидев перед собой Ковалева, но выговорить ничего не смог. А ведь должен был предупредить товарища... Товарищ не заставил себя ждать, и Ковалев снова удивился — им оказался Селива-

нов. Нет, то, что Селиванов решил сбежать из корпуса, удивительным не было, а вот выбранная им для этого компания... Он ловко приземлился на ноги с довольной физиономией, но тут увидел Ковалева, слегка присел и выдал:

– Оба-на...

Ковалев был далек от мысли сдать беглецов воспитателям, но происходящее показалось ему забавным.

– И чё теперь? – спросил Селиванов, переведа дух. Сашенька Ивлев так и сидел на земле, а лицо его стало плаксивым и жалостным.

Ковалев пожал плечами и хотел пойти своей дорогой, но заметил, что Селиванов смотрит не на него, а вверх, на окно туалета. И точно: беглецов было не двое, а трое. На подоконнике перед распахнутым окном, одетый в куртку с капюшоном, стоял Павлик Лазаренко, и по его лицу не было заметно, что он светится от счастья перед предстоящим крещением. Был у них и еще один помощник – его имени Ковалев не знал, – видимо, должен был помочь малышу и прикрыть окно за беглецами.

– Куда маленького-то тащите? – усмехнулся Ковалев. Он не сомневался, что старшеклассники собирались покурить за территорией, – зачем еще подросткам бежать из корпуса?

– А вам какая тапочка? – окрысился Селиванов. – Пашка – мой брат, понятно?

– Понятно, – пожал плечами Ковалев и направился к калитке, делая вид, что ничего не происходит.

– Хрена́ вам понятно... – проворчал Селиванов ему в спину.

Ковалев нарочно свернул с тропинки, едва вышел за калитку, чтобы ребятам не довелось столкнуться с ним еще раз, – не хотелось им мешать, что бы они ни задумали.

Он сильно пожалел о своем решении, когда через несколько минут вышел из леса и увидел, как троица исчезает из виду, спускаясь к реке, а за ними рысцой бежит крупный серо-рыжий пес – «настоящее динго». В эту минуту Ковалев был далек от мысли изловить собаку, его напугало другое: пес большой и агрессивный, он может и броситься на пацанов, особенно на маленького.

– Эй, погодите, погодите! – крикнул он, но ребята уже скрылись под берегом – могли не слышать, а скорей всего просто не поняли, что это им.

Ковалев, недолго раздумывая, бросился вниз по крутому склону.

И надо было бежать поверху, чтобы срезать угол, под которым поворачивала река, чтобы не потерять собаку из виду, но Ковалев поздно это сообразил, а потому побежал еще быстрее. Он боялся поскользнуться, но под ноги не смотрел, глядя лишь на силуэт бегущего за пацанами пса, пока не споткнулся о травяную кочку: не удержал равновесия и кубарем покатился вниз по берегу.

Это потом он подумал, что запросто мог свернуть шею, а когда падал, не чувствовал ни страха, ни боли – только до-

саду на собственную неловкость. За две-три секунды перед глазами небо раз десять сменило землю, не было и речи о том, чтобы остановить падение, даже лицо прикрыть руками не удалось – Ковалев не оказался в воде только потому, что на пути ему встретился одинокий куст. И будь его ветки хоть немного потолще, Ковалев бы точно переломал ребра – но об этом он подумал потом, вечером, разглядывая в зеркало багровые синяки на боку. А тогда он хотел немедленно встать и не понимал, почему тело его не слушается, почему нечем дышать и так трудно разобраться, где верх и где низ.

– Сергей Александрович! – услышал он голос далеко наверху, а потом, почти сразу, – гораздо ближе: – Сергей Александрович! Сережа!

Ковалев сел, тряхнул головой и посмотрел наверх: крутой берег плясал перед глазами, и женская фигурка в длинной вязаной юбке двоилась, троилась и перескакивала с места на место – Инна спускалась вниз, и на удивление скоро. Ковалев выругался про себя – меньше всего он хотел, чтобы кто-то видел это дурацкое падение.

– Сережа, как вы? – с неподдельным участием спросила Инна, остановившись шагах в пяти. – Вы не ушиблись?

На лице ее не было и тени улыбки, хотя Ковалев считал, что ей должно быть смешно, – во всяком случае, это гораздо смешней, чем обещание изловить «настоящее динго».

– Нет, я не ушибся, – ответил он холодно и поднялся – его слегка качнуло, но головокружение почти прошло. – Там...

эта собака...

Он осекся – не хотелось выдавать мальчишек даже Инне.

– Вы в самом деле собирались ее поймать? – спросила она без тени улыбки.

– Нет, мне показалось, она за кем-то бежала... – неуклюже соврал Ковалев.

Инна не стала иронизировать.

– Возвращайтесь в санаторий, сейчас закончатся процедуры. Я ведь искала вас, чтобы это сказать: сегодня они кончатся на полчаса раньше.

Ковалев посмотрел на часы: стекло треснуло, секундная стрелка беспомощно трепыхалась на одном месте, не в силах перескочить на следующее деление.

– Вы не верите даже в простейшую бытовую магию матерных ругательств? – Инна посмотрела на него с жалостью.

– Чего? – со злостью спросил Ковалев. Часов было жалко – он не мог без них обходиться.

– Выругайтесь. Любой на вашем месте обязательно выругался бы. Только это надо делать с чувством, иначе не работает.

– Может, стекло станет целым?

– Стекло – нет, а вот сдвинуть стрелку с места это могло бы помочь.

Ковалев сплюнул и щелкнул по часам ногтем – секундная стрелка качнулась и перепрыгнула на следующее деление, замерла ровно на секунду и пошла дальше. Сколько времени

часы стояли? Минуту? Пять минут? А вдруг он опоздает?

– Идите, – улыбнулась Инна.

Он кивнул и скорым шагом направился вверх по склону, стараясь не хромать, а едва Инна скрылась из виду – победил.

Нет, в санаторий Ковалев вернулся вовремя, детей еще не вывели в холл. Зато он немедленно столкнулся с Зоей Романовной.

– Где вы были? – спросила она строго и подозрительно.

– Я гулял, – фыркнув, ответил Ковалев – какого черта он должен давать ей отчет?

– У меня такое впечатление, что вы не гуляли, а валялись под кустом. – Она смерила его взглядом. – И перегаром от вас сегодня разит просто неприлично.

– Даже если я валялся под кустом, вас это не касается. И что я делаю по вечерам – тоже. Я в отпуске.

– Это детское учреждение. Здесь не место пьяницам и хулиганам.

– Я могу подождать Аню на улице, – усмехнулся Ковалев.

– Я была бы вам признательна, но у воспитателя не будет времени одевать вашу дочь. – Зоя Романовна сжала губы. – Так что просто приведите себя в порядок и старайтесь не дышать на детей, здесь лечатся астматики.

Она развернулась, давая понять, что разговор окончен, но Ковалев не удержался и кинул ей вслед:

– Вы считаете, что дышать свечным чадом детям-астма-

тикам полезно?

Зоя Романовна оглянулась.

– Вне всяких сомнений, присутствие на богослужении благотворно сказывается на здоровье детей. Татьяна Алексеевна написала об этом монографию, можете с ней ознакомиться, это признанный научный труд.

– Если считать теологию наукой, может быть.

– Это монография по медицине, – сдержанно ответила Зоя Романовна и пошла прочь.

– Надеюсь, в туберкулезных санаториях детей не причащают одной ложкой на всех... – проворчал Ковалев.

Некстати из медицинского крыла вышел Владимир Петрович – пожилой педиатр.

– К вашему сведению, молодой человек, кагор, применяемый при богослужении, имеет концентрацию спирта, которая наилучшим образом способствует обеззараживанию. Наши предки были мудры.

– Способствует – это вовсе не означает «полностью уничтожает все бактерии». Надеюсь, шприцы вы не в кагоре вымачиваете, а в автоклаве кипятите.

– Мы уже давно используем одноразовые шприцы, – посмеялся педиатр и направился своей дорогой.

Ковалев пожалел, что снова ввязался в бесполезные препирательства, но все же подошел к зеркалу – он не привык выглядеть неопрятно. И тут Зоя Романовна оказалась права: выглядел он и в самом деле так, будто валялся под кустом,

что было не так уж далеко от истины... Даже сухие листья в волосах запутались. И если причесаться и отряхнуться ничего не стоило, то отекавшее после вчерашнего лицо спрятать было трудно.

Ковалев застал только начало скандала из-за исчезновения Павлика – воспитательница надеялась найти его в одном из кабинетов физиотерапии. Пришлось поторопить Аню – ей было любопытно, что такое молебен, хотелось взглянуть на моленную комнату и на батюшку. Впрочем, батюшку она все же увидела, рассматривала его широко открытыми глазами и спросила громко, с детской непосредственностью:

– Пап, а это поп – толоконный лоб?

Ковалев кашлянул, а отец Алексей, проходя мимо, улыбнулся Ане так же тепло и обаятельно.

– Ань, поп – это невежливое слово, вежливо надо говорить «батюшка».

– Почему батюшка?

– Так принято.

– А Балда говорил «батька». «Что ты, батька, так рано поднялся – чего ты взыскался?» – продекламировала она.

– Кто тебе сказал, что Балда был вежливым парнем? – усмехнулся Ковалев.

Он вовсе не собирался показывать Ане моленную комнату, несмотря на ее любопытство, но когда они направились к выходу, их нагнала главврач.

– Я ни в коем случае не агитирую вас присутствовать на

службе, но мне кажется, Анечке было бы любопытно посмотреть на нашу молельню, – сказала она, сладко улыбаясь. Да, определенно, между ней и бабушкой имелось внешнее сходство, но Татьяна Алексеевна не имела и десятой доли его обаяния.

– Да, пап. Я только посмотрю одним глазком, и все... – Аня глянула на него просительно.

Ковалев опасался, что исчезновение Павлика с минуты на минуту станет очевидным, и вовсе не хотел отвечать на вопросы о нем – не любил и не умел врать. Но отказать Ане было бы неправильно – запретный плод сладок.

И сначала ей понравилось. Она ахнула и остановилась на пороге – и улыбка бабушки, и вид молельной комнаты дополнял сказочные слова Зои Романовны за завтраком. Но прошло всего несколько секунд, и Ковалев заметил, что дыхание Ани подозрительно учащается, становится глубже, будто ей не хватает воздуха. Он не стал дожидаться страшного свиста у нее в груди, подхватил ее на руки и бросился вон из корпуса. И услышал за спиной:

– Как черт от ладана...

Инна стояла на том же месте, где он ее оставил, – наверное, высматривала «демона смерти». На воздухе Анино удущье тут же прошло, будто и не начиналось вовсе, Ковалев даже не успел достать ингалятор. Инна несколько не удивилась ни начинавшемуся приступу, ни бесследному его исчез-

новению.

Они двинулись к кромке воды втроем, держа Аню за руки с двух сторон.

– Многим людям делается плохо в церкви, и детям тоже. Вы не находите это странным? – спросила Инна.

– Ничего странного в этом нет. Там душно и много людей, – пожал плечами Ковалев.

– В метро тоже душно и много людей.

– Вы передергиваете. Во-первых, в метро не так душно. Во-вторых, там тоже многим делается плохо.

Инна словно не услышала его ответа:

– Они считают, что это происки дьявола. Что это бесы корчатся в человеке, не желают выходить.

– Надеюсь, православие не практикует экзорцизм, – поморщился Ковалев.

– Отчего же, отчитка, обряд изгнания бесов, существует и в православии, только экзорцизмом не называется. Они на полном серьезе считают, что если окрестить Павлика, он перестанет задыхаться от запаха ладана.

– В самом деле? Там нет ни одного врача в здравом уме?

– Думаю, они не сильно ошибаются. Сначала ребенку внушили страх перед приступом на пороге молельни – и, конечно, приступ случается обязательно. Но показали и выход, избавление от страха, – надо только принять крещение. Плацебо тоже лекарство, а приступы астмы часто имеют психологические причины.

– Слушайте, но ведь это... мракобесие, натуральное средневековое мракобесие...

– Это вера, – пожала плечами Инна. – Если один идиот лечит ребенка молитвами вместо антибиотиков – он сумасшедший, если так делают все вокруг – это психическая норма, какой бы глупостью вам это ни казалось. Скажу больше, скоро ваша убежденность перестанет быть нормой и будет объявлена психической патологией. Не в результате поповского заговора, а по определению психической патологии.

Ковалев издали заметил следы на песке. Отпечатки резиновых сапог мальчика – других следов рядом не было. Что же это, два здоровых парня оставили маленького на берегу реки в одиночестве? А если собака в самом деле бежит где-то рядом?

– Вы видите? – спросил он у Инны.

– Что? – не поняла она.

– Следы. Он один. Ребенок шел здесь один.

Она испугалась, вскинула руку ко рту.

– Ой, мама... А я и не поняла сначала. Не сообразила. И если вы в самом деле видели эту собаку...

– Побудьте с Аней, я попробую его догнать, – сказал Ковалев.

– Да, конечно, конечно! – закивала она. – Ань, побудешь немного со мной, пока папа побежит вперед?

По следу на берегу он шел минут пятнадцать и довольно

скорым шагом – Аня и Инна давно скрылись из виду. С реки тянуло сыростью, над водой поднимался еле заметный парок и сползал вниз по течению – когда Ковалев смотрел на воду, ему казалось, что он стоит на месте. Река катилась рядом, блестела на солнце ледяная вода, и в голову все время лезли мысли, что плыть по течению получится быстрее, чем идти пешком.

В этих местах Ковалев еще не бывал. Берег поднялся выше, кое-где превратившись в песчаный обрыв, и лес подступил к этому обрыву вплотную. Настоящий лес – он был не похож на тот, что окружал санаторий.

А зайдя за поворот, Ковалев увидел Павлика – далеко, метрах в трехстах впереди: его вел за руку человек в мокром ватнике. Они должны были вот-вот скрыться за следующим поворотом, и Ковалев закричал во все горло:

– Эй! Стой! Стой!

Человек в мокром ватнике приостановился, оглянулся на крик, но, увидев Ковалева, направился дальше. Он не ускорил шаг, не побежал, просто пошел, и мальчик шагал рядом с ним не сопротивляясь – даже с такого расстояния было видно, как доверчиво он заглядывает этому человеку в лицо...

– Остановись, слышишь? – крикнул Ковалев и побежал, но как ни торопился, все равно вскоре потерял их из виду.

А цепочка следов уверенно тянулась все дальше и дальше: следов резиновых сапог мальчика – следов мужчины рядом не было. Впрочем, Ковалев тут же сообразил, что человек в

ватнике шел по воде. Почему? Не хотел оставлять улики?

Ковалев добежал до поворота, за которым скрылся Павлик, но сколько ни всматривался вперед, никого не увидел.

А потом следы маленьких резиновых сапог повернули в воду и исчезли... Взгляд сам собой скользнул по поверхности воды, рука потянулась к верхней пуговице – то ли вдохнуть поглубже захотелось, то ли в самом деле Ковалев только и ждал повода раздеться и прыгнуть в реку... Мысли замесались в голове одна другой злее: на себя, на Селиванова со товарищи, на чертов молебен... Обычно Ковалев паниковал только тогда, когда опаздывал, наивно полагая, что в других случаях способен хранить хладнокровие. Он и теперь думал, что мыслит вполне ясно, просто не может решить, что предпринять. В двенадцать лет, имея первый юношеский разряд по плаванию, он не продержался в холодной воде и десяти минут, у семилетнего мальчика времени было намного меньше. Ковалев не сразу вспомнил, что Павлик не умеет плавать, и вряд ли единственный урок в бассейне ему помог. А еще есть холодовый шок... Зато в памяти сразу всплыли слова Инны о жертвах, которые берет река... И этот человек – не собирался ли он принести ребенка реке в жертву? Здесь все поголовно ненормальные: одни готовы тащить мальчика в церковь, не считаясь с приступами удушья, другие верят в водяных и «настоящее динго», так почему же одному из ненормальных не практиковать человеческие жертвоприношения?

С минуту Ковалев, машинально расстегнув куртку, метался по берегу, пробежал немного вперед, думая о быстром течении, пока не наткнулся на следы маленьких резиновых сапог, которые вели из воды. Выглядело это мистически загадочно, но, подумав секунду, Ковалев догадался, что несколько метров мальчик просто прошел по воде. И стоило посмеяться над собой и своей паникой – следопыт, нечего сказать! – но почему-то было не смешно.

Песчаная полоска вдоль кромки воды истончалась, и вскоре следы повернули в другую сторону – на траву, как раз в том месте, где берег был довольно пологим. Но и здесь мужские следы не появились. Человек в мокром ватнике отпустил ребенка?

И, конечно, на траве следов видно не было. Ковалев поднялся на берег и огляделся: в лес вела еле заметная тропинка. Куда еще идти мальчику? Он на всякий случай посмотрел вниз, проверяя, нет ли дальше хода вдоль воды, как вдруг заметил бегущую по берегу собаку. Не было сомнений в том, что это и есть «настоящее динго» – серая с рыжиной шерсть, хвост поленом. Пес шел по следу и, не доверяя мокрому песку, более полагался на верхнее чутье: замедлял ход, нюхал ветер и мчался дальше – тем же путем, которым только что прошел Ковалев.

Пес здорово напоминал волка, но, пожалуй, его трудно было назвать плодом генной инженерии – на крупную дворнягу он был похож не меньше.

«На ловца и зверь бежит», — подумал Ковалев с усмешкой. Он не сомневался, что пес поднимется на берег вслед за ним. И не ошибся.

Зверь выскочил наверх, пригнув голову к земле, и Ковалев радостно потер руки.

— Ну вот ты мне и попался... — сказал он вполголоса, то ли собаке, то ли самому себе.

Пес вскинул морду, резко остановился и даже попятился. Однако назад не побежал, лишь занял более устойчивую позицию (словно перед прыжком), ощерился и заворчал. Волк из старого детского кошмара, слишком настоящий, непохожий на мультяшных волков. Наверное, в самом деле помесь с волком: чересчур длинные для собаки клыки, и оскал не собачий — обнажает верхние десны.

Ничего кроме радости и эйфории Ковалев не ощутил: после «бабьего царства» санатория, после бессмысленных препирательств с Зоей Романовной, после подленьких обвинений и шепота за спиной, за которые нельзя хорошенько врезать по зубам, встреча с «настоящим динго» была просто подарком судьбы — возможностью выплеснуть накопившуюся злость.

— Давай, — кивнул Ковалев с улыбкой. — Давай, прыгай... Вот тут мы и посмотрим.

Он сделал шаг вперед, и пес подался вбок. Не отступил — выбрал другую позицию, продолжая щерить морду и не мигая смотреть в глаза. Пожалуй, он был страшен и, наверное,

опасен, но Ковалев в эту минуту думал о том, что изловить пса можно, только если он кинется, а если побежит – догнать не получится.

– Ну? Что, боишься? Пугать маленьких детей проще, правда?

Пес обходил Ковалева стороной, медленно, шаг за шагом, и от ярости захлебывался рычанием. Ковалев поворачивался вслед за ним, думая, что пес хочет напасть со спины, но тут просчитался – пройдя четверть круга, собака развернулась одним прыжком и метнулась в лес.

И только тут Ковалев понял, что пес мчался не по его следу, а по следу Павлика. И если странный человек в мокром ватнике не пошел с мальчиком в лес, то защитить ребенка от собаки будет некому. Или... или этот человек с собакой заодно?

Зимние ботинки со шнуровкой не располагали к продолжительному бегу, да и тропинка оказалась очень условной. Пес исчез из виду за несколько секунд и бежал бесшумно, как полагается лесному зверю, а не домашнему питомцу. Ковалев еле-еле угадывал направление, в котором надо двигаться, и сбился с тропы, потому что вскоре уперся в стену густого подлеска, сквозь который было трудно пробиться. За голыми кустами поднялся молодой ельник – темный и непролазный, – но Ковалев, прикрывая лицо руками, прошел и сквозь него, неожиданно увидев впереди открытое пространство. Радость была преждевременной: зажмутив-

шись и закрывая лицо рукавом, Ковалев проглядел канаву под ногами и ухнул вниз – темная торфяная вода поднималась выше сапог, а илистое дно еще и затянуло поглубже, едва ли не до колен.

Канавка отделяла лес от шоссе, мимо промчалась одинокая машина, шагах в ста виднелась крытая автобусная остановка. Ковалев, ругаясь, выбрался на асфальт – вряд ли простейшая бытовая магия матерных слов могла высушить сапоги, но кто бы не выругался, промочив ноги холодным ноябрьским днем?

Павлика он увидел сразу – тот сидел на остановке один и смотрел в лес, совсем не в ту сторону, откуда появился Ковалев. Собаки видно не было, но по лицу мальчика было件нятно: он заметил пса.

– Павлик! – окликнул его Ковалев.

Мальчик резко и испуганно оглянулся и, наверное, собирался бежать, потому что сполз со скамейки и заозирался по сторонам.

– погоди, не бойся. – Ковалев выдохнул с облегчением. – Я же никому не сказал, что вы сбежали, правда?

Павлик снова нерешительно посмотрел на Ковалева, а потом опять взглянул в лес и испуганно прижался к скамейке. И когда Ковалев подошел ближе, выговорил, запинаясь:

– Там... волк... – И показал рукой на противоположную сторону шоссе.

– Это не волк, это большая собака. Я ее видел.

– Правда? – Брови Павлика поднялись удивленно. – Вы его видели?

– Ну да. Я и побежал сюда, потому что боялся – вдруг она тебя укусит.

– Его никто не видит. Только Зоя верит, что я не вру. И это не собака, это настоящий волк.

«Настоящее динго», – подумалось Ковалеву.

– С чего ты взял?

– Он не лает, – насупленно ответил Павлик. – Никогда. Только рычит. Значит, это волк.

– Ты просто не слышал, как она лает. Волки не такие, я их видел.

Волков Ковалев видел только в зоопарке и по телевизору... А впрочем, какая разница, собака это или волк, – собака даже опасней, она не боится человека.

– Я тоже их видел. Это настоящий волк, – упрямо повторил Павлик. – Мне и Зоя сказала, что это волк.

– Зачем? – спросил Ковалев и только потом понял, что этот вопрос надо задать Зое Романовне, а не Павлику.

– Не знаю. Она говорит, если видишь что-то такое, надо перекреститься и прочесть «Отче наш», и все пропадет.

– Ну и как, ты пробовал?

– Пробовал.

– Помогло?

– Ну почти. Если бы я знал «Отче наш», может и совсем бы помогло. Дядя Федя сказал, что можно в таком случае

перекреститься. Что я пока маленький, мне не зазорно просить о помощи.

Он казался намного старше Ани.

– Что еще тебе сказал дядя Федя? И почему не пошел с тобой сюда?

– Он не может далеко от речки отходить. И он сказал, что вы меня догоните. Мы вас видели, что вы за нами идете.

– А если бы я тебя не нашел? Что тогда?

– Не знаю. Я бы тут сидел, а потом бы на автобусе в санаторий поехал.

Этот чокнутый дядя Федя сначала забрал ребенка из санатория, а потом оставил его одного на шоссе. Чем он думал, интересно знать? И чего хотел? Дело даже не в собаке – по шоссе машины носятся, в лесу ребенку ничего не стоит заблудиться, провалиться в канаву, наконец...

– Если к тебе приближается бродячая собака, нужно не креститься и не читать «Отче наш», – сказал Ковалев. – Нужно нагнуться и сделать вид, что подбираешь с земли камень, – и собака убежит.

– Правда? – Павлик поднял глаза. – Вот так просто?

– Проверено. Но ни в коем случае нельзя брать в руки палку, и вообще – размахивать руками. Пойдем обратно, – вздохнул Ковалев. – Там Аня и Инна Ильинична нас ждут.

– Вы меня на молебен отведете? – недоверчиво спросил мальчик.

– Нет. Вернемся в санаторий к обеду, когда все закончит-

ся.

– Вы только Витьку не выдавайте, ладно? – оживился он. – Я скажу, что сам сбежал, без Витьки. Мне ничего не будет, я маленький. А Витьку из санатория выгонят. И про дядю Федю не говорите, хорошо?

– Его тоже из санатория выгонят? – усмехнулся Ковалев. И подумал, что за похищение ребенка, даже невинное, дядя Федя может огрести срок.

– Нет. Просто не говорите, и все.

– Ладно. Я скажу, что нашел тебя на остановке, когда с Аней гулял. И ты тоже так говори.

Возвращение в санаторий к обеду закончилось потрясающе громким скандалом: две милицейские машины с включенными мигалками, скорая и пожарная машина, испуганные дети, запертые в спальнях, весь персонал санатория в лесу на поисках пропавшего мальчика – в другой стороне от реки, кстати, – заплаканная воспитательница младшей группы, главврач с сердечным приступом в изоляторе... Ни навороченного внедорожника с шофером-монахом, ни батюшки видно не было.

Историю о том, как он случайно нашел Павлика на автобусной остановке, Ковалеву пришлось рассказывать под протокол. И по настроению местных стражей порядка было видно: они жалеют, что при встрече не приложили его лицом о капот своего козелка, и в его невиновность ни секунды не

верят. Военный билет на них впечатления не произвел, а у сорокалетнего усатого капитана, похожего одновременно на мышь и таракана, вызвал только раздражение.

Без обеда Ковалев не остался, но накормили его перед самым полдником, когда уехала милиция, и после долгого тягостного разговора с Зоей Романовной. Она умела допрашивать не хуже ментов, а может, и лучше. И то, что побег организовал Селиванов, она понимала (не догадалась только об участии в этом Сашеньки Ивлева), и то, что встреча на шоссе произошла намного раньше, чем сказал Ковалев, она подозревала, и даже о дяде Феде пробовала заговорить. Но давить не пыталась, понимая, что Ковалеву есть чем ответить: о причинах побега мальчика она милиции отчитываться нужным не посчитала.

Ковалев не стал обострять конфликт, но смутить Зою Романовну ему все же удалось – правда, лишь на минуту. Уже на выходе из ее кабинета он спросил:

– Зачем вы сказали мальчику, что его преследует волк? Ведь это обычная собака.

– Что? Какой волк? – Она напряглась, хотя и изобразила непринужденность.

– Когда я увидел его на автобусной остановке, рядом бродила большая серая дворняга.

Лицо Зои Романовны стало неестественно бледным, хотя больше ничем она не выдала своей растерянности.

– Вы... ее видели? Или это Павлик вам пожаловался?

– Да, я ее видел. Она рычала и пыталась на меня кинуться.

– Какой ужас... – тихо пробормотала Зоя Романовна, но быстро оправилась: – Мальчик боится несуществующего волка, а тут – встреча с большой серой собакой... Очень, очень некстати. Это может стать фобией на всю жизнь.

– Ну, если вместо того, чтобы рассказать, как правильно вести себя при встрече со злой собакой, учить ребенка креститься и молиться, – да, может стать фобией, – не удержался Ковалев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.